
ГОРАЦИЙ
M M
ACADEMIA

ACADEMIA

Q. HORATI FLACCI

CARMINA SELECTA

MM

MCMXXXVI

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
А. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

ACADEMIA
1936

Q. HORATI FLACCI

CARMINA SELECTA

additis versione poëtica rossica
commentariisque
auctore
A. P. Semenov-Tian-Shanskij

Титульные страницы и фронтиспис
гравюры на дереве
Н. П. Дмитревского

Переплет по его же рисунку

CARMINA
ЛИРИКА

Carminum
liber primus

Оды
Книга первая

I, 1

Maecenas atavis edite regibus,
O et praesidium et dulce decus meum!
Sunt quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat metaque fervidis

Evitata rotis palmaque nobilis
Terrarum dominos evehit ad deos.
Hunc, si mobilium turba Quiritium
Certat tergeminis tollere honoribus;

Illum, si proprio condidit horreo,
Quidquid de Libycis verritur areis.
Gaudentem patrios findere sarculo
Agros Attalicis conditionibus

Nunquam dimoveas, ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare.
Luctantem Icariis fluctibus Africum
Mercator metuens otium et oppidi

Laudat rura sui; mox reficit rates
Quassas, indocilis pauperiem pati.
Est qui nec veteris pocula Massici
Nec partem solido demere de die

Меценату

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастие
Пыль арены дает в беге увертливом

Раскаленных колес; пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов толпы пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского
Он собрал урожай в житницы бережно;
А того, кто привык плугом распахивать
Лишь отцовский удел, — даже и А̀ттала

Всем богатством, увы, в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистовой
Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей, — вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
Любо день коротать, лежа под деревом

Spernit, nunc viridi membra sub arbuto
Stratus, nunc ad aquae lene caput sacrae.
Multos castra iuvant et lituo tubae
Permixtus sonitus bellaque matribus

Detestata. Manet sub Iove frigido
Venator tenerae coniugis immemor,
Seu visa est catulis cerva fidelibus,
Seu rupit teretes Marsus aper plagas.

Me doctarum hederae praemia frontium
Dis miscent superis, me gelidum nemus
Nympharumque leves cum Satyris chori
Secernunt populo, si neque tibias

Euterpe cohibet nec Polyhymnia
Lesboum refugit tendere barbiton.
Quodsi me lyricis vatibus inseres,
Sublimi feriam sidera vertice.

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит, — зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Всё охотник в лесу, — лань ли причуяли
Своры верных собак, сети ль кабан прорвал.

Но меня только плющ, славных отличие,
К вышним близит; меня роща прохладная,
Там, где Нимф хоровод легкий с Сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа лишь

В руки флейты взяла, и Полигимния
Мне наладить пришла лиру лесбийскую.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

I, 4

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni,
Trahuntque siccas machinae carinas;
Ac neque iam stabulis gaudet pecus aut arator igni,
Nec prata canis albicant pruinis.

Iam Cytherea choros ducit Venus imminente luna,
Iunctaeque Nymphis Gratiae decentes
Alterno terram quatiunt pede, dum graves Cyclopum
Volcanus ardens urit officinas.

Nunc decet aut viridi nitidum caput impedire myrto
Aut flore, terrae quem ferunt solutae.
Nunc et in umbrosis Fauno decet immolare lucis,
Seu poscat agna sive malit haedo.

Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
Regumque turres. O beate Sesti,
Vitae summa brevis spem nos vetat incohare longam.
Iam te premet nox fabulaeque Manes

Et domus exilis Plutonia: quo simul mearis,
Nec regna vini sortiere talis
Nec tenerum Lycidan mirabere, quo calet iuventus
Nunc omnis et mox virgines tepebunt.

Луцию Сестию

Злая сдается зима, сменяяся вешней лаской ветра;
 Влекут на блоках высохшие днища;
Хлевы не радуют скот, а пахарю стал огонь ненужен;
 Луга седой не убеляет иней,

И при сияньи луны Венера уж водит хороводы,
 И Граций нежных среди Нимф фигуры
Такт отбивают ногой, пока еще не успел Циклопам
 Вулкан, пылая, разогреть все кузни.

Надо теперь украшать нам головы свежим миртом, или
 Цветами теми, что одели землю.
В роще тенистой теперь вновь надо нам принести в дар Фавну
 Ягненка или козлика — на выбор.

Бледная ломится смерть одною всё и тою же ногою
 В лачуги бедных и в царей чертоги.
Сестий счастливый! Нам жизнь короткая возбраняет планы.
 К тебе уж близки Ночь и тѐней царство,

Как и Плутона жилье унылое, где лишь водворишься,
 Не будешь больше возглавлять попойки,
Ни любоваться красой Ликида, что ныне восхищает
 Всю юность, вскоре ж дев зазнобой станет.

I, 5

Quis multa gracilis te puer in rosa
Perfusus liquidis urget odoribus
Grato, Pyrrha, sub antro?
Cui flavam religas comam,

Simplex munditiis? Heu quoties fidem
Mutatosque deos flebit et aspera
Nigris aequora ventis
Emirabitur insolens,

Qui nunc te fruitur credulus aurea;
Qui semper vacuam, semper amabilem
Sperat, nescius aurae
Fallacis. Miseri, quibus

Intemptata nites! Me tabula sacer
Votiva paries indicat uvida
Suspendisse potenti
Vestimenta maris deo.

Жертва женской ветрености

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
Что̀ тебя обнимал в гроте приветливом,
Весь в цветах, раздушенный, —
Для кого не украсила

Ты и светлых кудрей? Сколько же раз потом
Веру в счастье свое будет оплакивать
И дивиться жестоким
Во̀лнам, бурею вызванным,

Тот, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей
И не ведает ветра
Перемен. О несчастные

Все, пред кем ты блестишь светом обманчивым!
Про меня же гласит надпись священная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

I, 8

Lydia, dic, per omnes
Te deos oro, Sybarin cur properes amando
Perdere cur apricum
Oderit campum, patiens pulveris atque solis?

Cur neque militaris
Inter aequales equitat, Gallica nec lupatis
Temperat ora frenis?
Cur timet flavum Tiberim tangere? Cur olivum

Sanguine viperino
Cautius vitat neque iam livida gestat armis
Brachia, saepe disco,
Saepe trans finem iaculo nobilis expedito?

Quid latet, ut marinae
Filium dicunt Thetidis sub lacrimosa Troiae
Funera, ne virilis
Cultus in caedem et Lycias proriperet catervas?

К Лидии

Лидия, ты скажи мне,
Ради всех богов, для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной,

И не гарцует больше
Он среди других молодцов, галльских коней смиряя
Прочной уздой зубчатой?
Иль зачем он стал желтых вод Тибра бояться, — точно

Яда змеи, елея
Избегать, — и рук, к синякам прежде привычных, ныне
Не упражняет боем
Тот, кто ловко диск и копье раньше метал за знаки?

Что ж? Он быть спрятан хочет,
Как Фетиды сын, говорят, скрыт был под женским платьем,
Чтобы не пасть, с ликийцев
Ратями сойдясь средь борьбы у обреченной Трои?

I, 9

Vides, ut alta stet nive candidum
Soracte, nec iam sustineant onus
Silvae laborantes geluque
Flumina constiterint acuto.

Dissolve frigus ligna super foco
Large reponens atque benignius
Deprome quadrimum Sabina,
O Thaliarche, merum diota.

Permitte divis cetera, qui simul
Stravere ventos aequore fervido
Deproeliantes, nec cupressi
Nec veteres agitantur orni.

Quid sit futurum cras, fuge quaerere et
Quem Fors dierum cunque dabit, lucro
Appone, nec dulces amores
Sperne puer neque tu choreas,

Donec virenti canities abest
Morosa. Nunc et campus et areae
Lenesque sub noctem susurri
Composita repetantur hora,

Юноше Талиарху

Смотри: глубоким снегом засыпанный,
Соракт белеет, и отягченные
Леса с трудом стоят, а реки
Скованы прочно морозом лютым.

Чтоб сбавить холод, нового топлива
В очаг подбрось и полною чашею
Черпни из а̀мфоры сабинской,
О Талиарх, нам вина постарше!

Богам оставь на волю все прочее:
Лишь захотят — и ветер, бушующий
В морях, спадет, и не качнутся
Ни кипарисы, ни старый ясень.

О том, что ждет нас, брось размышления,
Прими, как прибыль, день нам дарованный
Судьбой и не чуждайся, друг мой,
Ни хороводов, ни ласк любовных,

Пока далеко старость угрюмая
И ты цветешь. Пусть ныне влекут тебя
И состязанья, и в урочный
Вечера час нежный лепет страсти.

Nunc et latentis proditor intimo
Gratus puellae risus ab angulo
    Pignusque dereptum lacertis
  Aut digito male pertinaci.

И пусть порою слышится девичий
Предатель-смех, где милая спряталась,
И будет у тебя запястье
Или колечко любви залогом.

I, 11

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
Finem di dederint, Leuconoë, nec Babylonios
Temptaris numeros. Ut melius, quidquid erit, pati!
Seu plures hiemes seu tribuit Iuppiter ultimam,

Quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare
Tyrrhenum; sapias, vina liques, et spatio brevi
Spem longam reseces. Dum loquimur, fugerit invida
Aetas; carpe diem quam minimum credula postero.

Совет эпикурейца

Левконоя, оставь: знать не дано, рано ли, поздно ли
Смерть нам боги пошлют — мне и тебе, — и в вавилонские
Числа ты не вникай! Лучше терпеть, что бы там ни было:
Много ль Зевс положил зим нам прожить, или последнюю, —

Ту, что ныне дробит с помощью скал волны тирренские.
Будь разумна: цеди влагу вина, светлой минутою
Нить надежд обрывай. Средь болтовни время ревнивое
Быстро мчится; лови день этот, брось веру в грядущее.

I, 13

Cum tu, Lydia, Telephi
Cervicem roseam, cerea Telephi
Laudas brachia, vae meum
Fervens difficili bile tumet iecur.

Tum nec mens mihi nec color
Certa sede manent, umor et in genas
Furtim labitur, arguens
Quam lentis penitus macerer ignibus.

Uror, seu tibi candidos
Turparunt umeros immodicae mero
Rixae, sive puer furens
Impressit memorem dente labris notam.

Non, si me satis audias,
Speres perpetuum dulcia barbare
Laedentem oscula, quae Venus
Quinta parte sui nectaris imbuit.

Felices ter et amplius,
Quos irrupta tenet copula nec malis
Divolsus querimoniis
Suprema citius solvet amor die.

Ревность

Как похвалишь ты, Лидия,
Розоватый ли цвет шеи у Те́лефа,
Руки ль белые Те́лефа, —
Желчью печень моя переполняется.

И тогда не владею я
Ни умом, ни лицом: слезы украдкою
По щекам моим катятся,
Выдавая огонь, сердце сжигающий.

Я сгораю, когда тебе
Буйный хмель запятнал плечи прекрасные,
Или пламенный юноша
Зубом запечатлел след на губе твоей.

Не надейся любезною
Быть надолго тому, кто так неистово
Милый ротик уродует,
У Венеры самой нектар отведавший.

Те лишь много крат счастливы,
Кто связался навек прочными узами;
Им, не слушая жалобы,
Не изменит любовь раньше, чем смерть придет.

I, 14

O navis, referent in mare te novi
Fluctus! O quid agis? Fortiter occupa
  Portum! Nonne vides, ut
    Nudum remigio latus

Et malus celeri saucius Africo
Antennaeque gemant ac sine funibus
  Vix durare carinae
    Possint imperiosius

Aequor? Non tibi sunt integra lintea,
Non di, quos iterum pressa voces malo.
  Quamvis Pontica pinus,
    Silvae filia nobilis,

Jactes et genus et nomen inutile;
Nil pictis timidus navita puppibus
  Fidit. Tu, nisi ventis
    Debes ludibrium, cave.

Nuper sollicitum quae mihi taedium,
Nunc desiderium curaque non levis,
  Interfusa nitentes
    Vites aequora Cycladas.

К Римскому государству

О корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что̀ ты? Постой! Якорь брось в гавани!
Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла, бурей твоя мачта надломлена,
Снасти жутко трещат, скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать властную

Силу волн. У тебя нет уж ни паруса,
Ни богов на корме, в бѐдах прибежища.
Хоть сосною понтийской,
Леса знатного дочерью,

Ты как матерью горд, — род непричем уж твой:
На твой борт расписной можно ль надеяться
Моряку? Ведь, ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что̀ шумит меж Цикладами!

I, 16

Ò matre pulchra filia pulchrior,
Quem criminosis cunque voles modum
Pones ïambis, sive flamma
Sive mari libet Hadriano.

Non Dindymene, non adytis quatit
Mentem sacerdotum incola Pythius,
Non Liber aeque, non acuta
Sic geminant Corybantes aera,

Tristes ut irae, quas neque Noricus
Deterret ensis nec mare naufragum
Nec saevus ignis nec tremendo
Iuppiter ipse ruens tumultu.

Fertur Prometheus, addere principi
Limo coactus particulam undique
Desectam et insani leonis
Vim stomacho apposuisse nostro.

Irae Thyesten exitio gravi
Stravere et altis urbibus ultimae
Stetere causae, cur perirent
Funditus imprimeretque muris

Неизвестной

О дочь, красою мать превзошедшая,
Сама придумай казнь надлежащую
Моим злословья полным ямбам
В волнах морских иль в огне, — где хочешь!

Ни Диндимена в древнем святилище,
Ни Феб, ни Либер не потрясают так
Души жрецов, ни корибанты
Так не грохочут гремящей медью,

Как духи Гнева, коим не страшны ведь
Ни меч германца, ни грозный вал морской,
Ни ярый пламень, ни Юпитер,
С грохотом страшным разящий с неба.

Ведь Прометею, чтобы людей создать,
Пришлось сбирать все свойства частицами
И, по преданью, в наши недра
Злобы прилить и безумья львиных.

Лишь духи Гнева лютую вызвали
Судьбу Фиеста. Гнев был причиною,
Что города бесследно гибли
После того, как на месте стен их

Hostile aratrum exercitus insolens.
Compesce mentem: me quoque pectoris
Temptavit in dulci iuventa
Fervor et in celeres iambos

Misit furentem; nunc ego mitibus
Mutare quaero tristia, dum mihi
Fias recantatis amica
Opprobriis animumque reddas.

Надменный ворог землю распахивал.
Уйми же гнев свой! В дни моей юности
Ведь и меня лишь пыл сердечный
В злобе толкнул написать поспешно

Те ямбы. Ныне горечь прошедшего
Стремлюсь сменить я дружбой и кротостью.
Мою вину мне в новых песнях
Дай искупить и верни мне душу!

I, 19

Mater saeva Cupidinum
Thebanaeque iubet me Semeles puer
Et lasciva Licentia
Finitis animum reddere amoribus.

Urit me Glycerae nitor
Splendentis Pario marmore purius;
Urit grata protervitas
Et voltus nimium lubricus adspici.

In me tota ruens Venus
Cyprum deseruit, nec patitur Scythas
Et versis animosum equis
Parthum dicere nec quae nihil attinent.

Hic vivum mihi caespitem, hic
Verbenas, pueri, ponite turaque
Bimi cum patera meri:
Mactata veniet lenior hostia.

Во власти Венеры

Мать страстей беспощадная,
Дионис молодой, с резвою Вольностью,
Душу вы повелели мне
Вновь доверить любви, было забытой мной.

Восхищен я Гликерою,
Чтȯ сияет светлей мрамора Пȧроса,
Восхищен и задором я,
И опасной для глаз прелестью личика.

И бессилен пред натиском
Я Венеры: она с Кипром рассталася,
Про парфян ли, про скифов ли, —
Все, что чуждо любви, петь возбраняет мне.

Так подайте ж, прислужники,
Дерна мне и ветвей свежих, и ладана,
И вина с чашей жертвенной:
Да богиня грядет, жертвой смирённая!

I, 20

Vile potabis modicis Sabinum
Cantharis, Graeca quod ego ipse testa
Conditum levi, datus in theatro
Cum tibi plausus,

Care Maecenas eques, ut paterni
Fluminis ripae simul et iocosa
Redderet laudes tibi Vaticani
Montis imago.

Caecubum et prelo domitam Caleno
Tu bibes uvam: mea nec Falernae
Temperant vites neque Formiani
Pocula colles.

Меценату после его выздоровления

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его ведь сам я,
В а̀мфору налив, засмолил в тот день, как
Рукоплескали

Дружно все тебе, лишь в театр вошел ты,
Всадник Меценат дорогой, и, вторя,
Разносил хвалу вдоль реки родимой
Холм Ватикана.

Це́куба вино пей себе ты дома
И калесских лоз дорогую влагу;
У меня ж фалерн, как и Формий лозы
Чаш не наполнят.

I, 21

Dianam tenerae dicite virgines,
Intonsum, pueri, dicite Cynthium
Latonamque supremo
Dilectam penitus Iovi.

Vos laetam fluviis et nemorum coma,
Quaecunque aut gelido prominet Algido,
Nigris aut Erymanthi
Silvis aut viridis Cragi;

Vos Tempe totidem tollite laudibus
Natalemque, mares, Delon Apollinis,
Insignemque pharetra
Fraternaque umerum lyra.

Hic bellum lacrimosum, hic miseram famem
Pestemque a populo et principe Caesare in
Persas atque Britannos
Vestra motus aget prece.

Гимн Диане и Аполлону

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кинфию, юноши,
И Латоне, любезной
Зевсу, богу всевышнему.

Славьте, девы, ее, в реки влюбленную,
Как и в сени лесов хладного Альгида,
Бора на Эриманфе,
В кудри Крага зеленого.

Вы же, юноши, все славьте Темпейский дол,
Аполлону родной Де́лос и светлого
Бога, рамо чье лирой
И колчаном украшено.

Пусть он, жаркой мольбой вашею тронутый,
Горе войн отвратит с мором и голодом
От народа, направив
Их на персов с британцами!

I, 22

Integer vitae scelerisque purus
Non eget Mauris iaculis neque arcu
Nec venenatis gravida sagittis,
Fusce, pharetra,

Sive per Syrtes iter aestuosas
Sive facturus per inhospitalem
Caucasum vel quae loca fabulosus
Lambit Hydaspes.

Namque me silva lupus in Sabina,
Dum meam canto Lalagen et ultra
Terminum curis vagor expeditis,
Fugit inermem;

Quale portentum neque militaris
Daunias latis alit aesculetis,
Nec Iubae tellus generat, leonum
Arida nutrix.

Pone me pigris ubi nulla campis
Arbor aestiva recreatur aura,
Quod latus mundi nebulae malusque
Iuppiter urget;

Аристию Фуску

Кто душою чист и незлобен в жизни,
Не нужны тому ни копье злых мавров,
Ни упругий лук, ни колчан с запасом
Стрел ядовитых,

Будет ли лежать его путь по знойным
Африки пескам, иль в глуши Кавказа,
Иль в стране чудес, где прибрежье лижут
Волны Гидаспа.

Так, когда брожу я в лесу сабинском
Без забот, — с одной только песней к милой
Лàлаге моей, — с безоружным встречи
Волк избегает.

Равного ж ему не кормили зверя
Давнии леса, не рождала даже
И пустыня та, что всех львов питает
Грудью сухою.

Брось меня в страну, где весны дыханье
Не способно жизнь возрождать деревьев,
В тот бесплодный край, что Юпитер гневно
Кроет туманом;

Pone sub curru nimium propinqui
Solis in terra domibus negata:
Dulce ridentem Lalagen amabo,
Dulce loquentem.

Брось меня туда, где бег солнца близкий
Знойностью лучей обезлюдил землю, —
Ла́лаги моей разлюблю ль я голос,
Или улыбку?

I, 23

Vitas hinnuleo me similis, Chloë,
Quaerenti pavidam montibus aviis
  Matrem non sine vano
    Aurarum et silüae metu.

Nam seu mobilibus veris inhorruit
Adventus foliis seu virides rubum
  Dimoverę lacertae,
    Et corde et genibus tremit.

Atqui non ego te tigris ut aspera
Gaetulusve leo frangere persequor:
  Tandem desine matrem
    Tempestiva sequi viro.

Робкая лань

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, что мать среди гор в дебрях утратила
И напрасно страшится
Леса легкого лепета.

Лист взметется ль сухой вешним дыханием,
Шелохнет ли слегка быстрый бег ящериц
Веточку ежевики, —
Вся она уже в трепете.

Ведь,. не тигр я, не лев, страшный сын Ливии,
Чтоб тебя растерзать, хищно набросившись.
Брось за матерью бегать:
Зреешь ты для супружества!

I, 24

Quis desiderio sit pudor aut modus
Tam cari capitis? Praecipe lugubres
Cantus, Melpomene, cui liquidam pater
Vocem cum cithara dedit.

Ergo Quintilium perpetuus sopor
Urget? cui Pudor et Iustitiae soror,
Incorrupta Fides, nudaque Veritas
Quando ullum inveniet parem?

Multis ille bonis flebilis occidit,
Nulli flebilior quam tibi, Vergili.
Tu frustra pius, heu non ita creditum
Poscis Quintilium deos.

Quodsi Threicio blandius Orpheo
Auditam moderere arboribus fidem,
Num vanae redeat sanguis imagini,
Quam virga semel horrida,

Non lenis precibus fata recludere,
Nigro compulerit Mercurius gregi?
Durum: sed levius fit patientia,
Quidquid corrigere est nefas.

На смерть Квинтилия Вара

Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни, — ты, кому дал отец
Звонкий голос с кифарою!

Так! Ужели навек обнял Квинтилия
Сон? Найдут ли ему в доблестях равного
Правосудья сестра — Честь неподкупная,
Совесть, Правда открытая?

Многим добрым сердцам смерть его горестна,
Но, Вергилий, тебе всех она горестней.
У богов ты, увы, с верой не вымолишь
Друга, что доверял ты им!

И хотя бы умел лучше Орфея ты
Сладкозвучной струной лес привораживать,
Оживишь ли черты лика бескровного,
Раз Меркурий, не знающий

Снисхожденья к мольбам, страшным жезлом своим
Уж коснулся его, чтоб приобщить к теням?
Тяжко! Но претерпеть легче с покорностью
То, что нам изменить нельзя.

I, 25

Parcius iunctas quatiunt fenestras
Ictibus crebris iuvenes protervi,
Nec tibi somnos adimunt, amatque
Ianua limen,

Quae prius multum faciles movebat
Cardines; audis minus et minus iam:
«Me tuo longas pereunte noctes,
Lydia, dormis?»

Invicem moechos anus arrogantes
Flebis in solo levis angiportu,
Thracio bacchante magis sub inter-
lunia vento,

Cum tibi flagrans amor et libido,
Quae solet matres furiare equorum,
Saeviet circa iecur ulcerosum,
Non sine questu,

Laeta quod pubes hedera virente
Gaudeat pulla magis atque myrto,
Aridas frondes hiemis sodali
Dedicet Euro.

Лидии

Реже по ночам в запертые ставни
Раздается стук молодежи дерзкой,
Чтоб прервать твой сон, и покой свой любит
Дверь на пороге,

Что она легко покидала прежде.
Стала слышать ты реже все и реже:
«Сна лишен тобой я, — ужель спокоен,
Лидия, сон твой?»

Увядая, ты по лихим повесам
В свой черед всплакнешь в уголке безлюдном
Под напев ветров, что ярятся пуще
Под новолунье;

И в тот час, когда любострастья пламень,
Что в обычный срок кобылицу бесит,
Распалит тебя, ты возропщешь, плача,
В горьком сознаньи,

Что и плющ, и мирт лишь в красе зеленой
Ценит молодежь, предавая воле
Спутника зимы — ледяного ветра
Листья сухие.

I, 26

Musis amicus tristitiam et metus
Tradam protervis in mare Creticum
Portare ventis, quis sub Arcto
Rex gelidae metuatur orae,

Quid Tiridaten terreat, unice
Securus. O, quae fontibus integris
Gaudes, apricos necte flores,
Necte meo Lamiae coronam,

Pimplea dulcis! Nil sine te mei
Prosunt honores: hunc fidibus novis,
Hunc Lesbio sacrare plectro
Teque tuasque decet sorores.

Квинту Элию Ламию

Любимец Муз, я грусть и волнения
Отдам развеять ветрам стремительным
В Эгейском море. Безучастен
Стал я к тому, кто в стране полночной

Грозит другому, и Тиридата что
Страшит. О Муза, сердцу любезная!
Ключей ты любишь свежесть: свей же,
Свей же для Ламия цвет весенний

В венок душистый. Что̀ без тебя моя
Хвала? Достоин быть он прославленным
Тобой и сестрами твоими
Плектром лесбийским на стру́нах новых.

I, 30

O Venus, regina Cnidi Paphique,
Sperne dilectam Cypron, et vocantis
Ture te multo Glycerae decoram
Transfer in aedem.

Fervidus tecum puer et solutis
Gratiae zonis properentque Nymphae
Et parum comis sine te Juventas
Mercuriusque.

К Венере

Кипр любезный свой ты покинь и, внемля
В ладана волнàх тихий зов Гликеры,
В дом ее явись, о Венера, Книда,
Пафа царица!

Пусть с тобой спешат и твой мальчик пылкий
Грации в своих вольных тканях, Нимфы,
Без тебя тоской повитая Геба,
С ней и Меркурий.

I, 31

Quid dedicatum poscit Apollinem
Vates? quid orat de patera novum
Fundens liquorem? Non opimae
Sardiniae segetes feraces,

Non aestuosae grata Calabriae
Armenta, non aurum aut ebur Indicum,
Non rura, quae Liris quieta
Mordet aqua taciturnus amnis.

Premant Calenam falce quibus dedit
Fortuna vitem, dives et aureis
Mercator exsiccet culullis
Vina Syra reparata merce,

Dis carus ipsis, quippe ter et quater
Anno revisens aequor Atlanticum
Impune. Me pascunt olivae,
Me cichorea levesque malvae.

Frui paratis et valido mihi,
Latoë, dones et, precor, integra
Cum mente, nec turpem senectam
Degere nec cithara carentem.

В храме Аполлона

Что просит в новом храме поэт себе
У Аполлона? И с возлиянием
О чем он молит? Не богатых
Просит он нив средь полей сардинских,

Не стад обильных в жаркой Калабрии,
Не злата с костью белой из Индии,
Не тех угодий, что спокойным
Током живит молчаливый Лирис.

Пускай снимают гроздья калесские,
Кому Фортуна их предоставила;
Пусть пьет купец хоть золотыми
Чашами вйна — свою наживу —

Богов любимец, ибо не раз в году
Простор он видит вод атлантических
Благополучно. Мне ж оливки,
Мне лишь цикорий да мальвы — пища.

Так дай прожить мне тем, что имею я,
О сын Латоны! Дай мне, молю тебя,
Здоровья и с рассудком здравым
Светлую старость в союзе с лирой.

I, 32

Poscimur. Si quid vacui sub umbra
Lusimus tecum, quod et hunc in annum
Vivat et plures, age, dic Latinum,
Barbite, carmen,

Lesbio primum modulate civi,
Qui ferox bello tamen inter arma,
Sive iactatam religarat udo
Litore navim,

Liberum et Musas Veneremque et illi
Semper haerentem puerum canebat
Et Lycum nigris oculis nigroque
Crine decorum.

O decus Phoebi et dapibus supremi
Grata testudo Iovis, o laborum
Dulce lenimen, mihi cunque salve
Rite vocanti.

Лира

Нас с тобой зовут. Если я беспечно
Пел с тобой кой-что в тишине досугов,
Лира, научи — чтоб те песни жили —
Песням латинским,

Ты, на ком бряцал гражданин лесбийский,
Яростный в борьбе, — лишь она стихала,
Или свой корабль, изможденный бурей,
К брегу причалив, —

Ты, с кем Вакха пел, пел он Муз, Венеру,
С неразлучным с ней и любезным сыном,
Пел с кем Лика он черноту очей и
Черные кудри.

О краса и честь Аполлона, лира,
На пирах богов услажденье Зевса,
Сладкий от трудов и целебный отдых,
Зову покорствуй!

I, 33

Albi, ne doleas plus nimio memor
Immitis Glycerae, neu miserabiles
Decantes elegos, cur tibi iunior
    Laesa praeniteat fide.

I signem tenui fronte Lycorida
Cyri torret amor, Cyrus in asperam
Declinat Pholoën; sed prius Apulis
    Iungentur capreae lupis,

Quam turpi Pholoë peccet adultero.
Sic visum Veneri, cui placet impares
Formas atque animos sub iuga aënea
    Saevo mittere cum ioco.

Ipsum me, melior cum peteret Venus,
Grata detinuit compede Myrtale
Libertina, fretis acrior Hadriae
    Curvantis Calabros sinus.

Альбию Тибуллу

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятно
Грех Гликеры нося, в грустных элегиях
Не пеняй, что она младшего возрастом
    Предпочла тебе ветрено.

Ликорида, чей лоб сужен изысканно,
К Киру страстью горит; Кир же Фолоею
Увлечен; но скорей, впрямь, сочетаются
    Козы с волчьим отродием,

Чем Фолоя впадет в любодеяние.
Так Венере самой, видно, уж нравится,
Зло шутя, сопрягать тех, что не сходствуют
    Ни душою, ни внешностью.

Вот и мне довелось быть, когда лучшая
Улыбалась любовь, скованным с Ми́рталой,
Что бурливей была моря вдоль выступов
    И ивгибов Калабрии.

I, 34

Parcus deorum cultor et infrequens,
Insanientis dum sapientiae
Consultus erro, nunc retrorsum
Vela dare atque iterare cursus

Cogor relictos: namque Diespiter,
Igni corusco nubila dividens
Plerumque, per purum tonantes
Egit equos volucremque currum,

Quo bruta tellus et vaga flumina,
Quo Styx et invisi horrida Taenari
Sedes Atlanteusque finis
Concutitur. Valet ima summis

Mutare et insignem attenuat deus
Obscura promens; hinc apicem rapax
Fortuna cum stridore acuto
Sustulit, hic posuisse gaudet.

На прежний путь

Богов поклонник редкий и ветреный,
Пока, безумной мудрости следуя,
Блуждаю, ныне вспять направить
Я принужден свой челнок и прежних

Путей держаться. Ибо Диéспитер,
Обычно тучи молнией режущий,
По нéбу чистому внезапно
Кóней промчал с грохотаньем тяжким,

Что потрясает землю недвижную,
И зыби рек, и Стикс, и ужасные
Врата Тенара, и Атланта
Крайний предел. Только бог сей властен

Высоким сделать низкое, — славного
Низринуть сразу, выявив скрытое:
Судьба венец с тебя срывает,
Чтобы, ликуя, венчать другого.

I, 38

Persicos odi, puer, apparatus,
Displicent nexae philyra coronae;
Mitte sectari, rosa quo locorum
Sera moretur.

Simplici myrto nihil allabores
Sedulus curo: neque te ministrum
Dedecet myrtus neque me sub arta
Vite bibentem.

Мальчику-прислужнику

Мальчик, не терплю я затей персидских:
Не люблю венков я, сплетенных туго;
Брось искать кругом уголка, где роза
Поздняя медлит.

К мирту ничего прибавлять не надо:
Мирт простой к лицу и тебе, когда ты
Служишь, как и мне, когда пью, укрывшись
В тень винограда.

Carminum liber secundus

Оды
Книга вторая

II, 3

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem, non secus in bonis
Ab insolenti temperatam
Laetitia, moriture Delli,

Seu maestus omni tempore vixeris,
Seu te in remoto gramine per dies
Festos reclinatum bearis
Interiore nota Falerni.

Quo pinus ingens albaque populus
Umbram hospitalem consociare amant
Ramis? Quid obliquo laborat
Lympha fugax trepidare rivo?

Huc vina et unguenta et nimium breves
Flores amoenae ferre iube rosae,
Dum res et aetas et sororum
Fila trium patiuntur atra.

Cedes coëmptis saltibus et domo
Villaque, flavus quam Tiberis lavit,
Cedes et exstructis in altum
Divitiis potietur heres.

Квинту Деллию

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованьем,
Смерти, как все мы, подвластный Деллий,

Печально ль будет жизни течение,
Иль часто будешь ты услаждать себя
Вином Фалерна лучшей метки,
Праздник на мягкой траве встречая.

Не для того ли тень сочетается
Сосны огромной с тополя белого
Отрадной тенью, — не к тому ли
Резвой струею ручей играет,

Чтобы сюда ты вѝна подать велел,
Бальзам и розы, кратко цветущие,
Пока судьба, года̀ и Парок
Темная нить еще срок дают нам?

Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными,
И дом с поместьем, — и богатством
Всем завладеет твоим наследник.

Divesne prisco natus ab Inacho
Nil interest an pauper et infima
De gente sub divo moreris,
Victima nil miserantis Orci.

Omnes eodem cogimur, omnium
Versatur urna serius ocius
Sors exitura et nos in aeternum
Exilium impositura cumbae.

Не все ль равно, ты Инаха ль древнего
Богатый отпрыск, рода ли низкого,
Влачащий дни под чистым небом, —
Ты беспощадного жертва Орка.

Мы все гонимы в царство подземное.
Вертится урна: рано ли, поздно ли
Наш жребий выпадет, и вот он —
В вечность изгнанья челнок пред нами

II, 4

Ne sit ancillae tibi amor pudori,
Xanthia Phoceu! Prius insolentem
Serva Briseis niveo colore
Movit Achillem;

Movit Aiacem Telamone natum
Forma captivae dominum Tecmessae;
Arsit Atrides medio in triumpho
Virgine rapta,

Barbarae postquam cecidere turmae
Thessalo victore et ademptus Hector
Tradidit fessis leviora tolli
Pergama Grais.

Nescias, an te generum beati
Phyllidis flavae decorent parentes:
Regium certe genus et penates
Maeret iniquos.

Crede non illam tibi de scelesta
Plebe dilectam, neque sic fidelem,
Sic lucro aversam potuisse nasci
Matre pudenda.

Ксантию из Фокиды

Ксантий, не стыдись, полюбив служанку!
Вспомни, что раба Брисеида так же
Белизной своей покорила снежной
Гордость Ахилла.

Так же и Аянт, Теламóна отпрыск,
Пленной был склонён красотой Текмессы;
Вспыхнул и Атрид посреди триумфа
К деве плененной

Вслед за тем, как вождь фессалийцев славный
Разгромил врагов, и как смерть героя
Гектора дала утомленным грекам
Легче взять Трою.

Может быть, тебя осчастливит знатный
Род Филлиды вдруг: может быть, затмила
Царскую в ней кровь лишь судьбы немилость;
Кто это знает?

Не могла бы быть из презренной черни
Взятая такой бескорыстной, верной,
Если бы была рождена Филлида
Матерью низкой.

Brachia et voltum teretesque suras.
Integer laudo; fuge suspicari,
Cuius octavum trepidavit aetas
Claudere lustrum.

Рук ее, лица, как и ног точеных
Красоту хвалю я без задней мысли;
Подозренья брось: ведь уже пошел мне
Пятый десяток!

II, 5

Nondum subacta ferre iugum valet
Cervice, nondum munia comparis
Aequare nec tauri ruentis
In venerem tolerare pondus.

Circa virentes est animus tuae
Campos iuvencae, nunc fluviis gravem
Solantis aestum, nunc in udo
Ludere cum vitulis salicto

Praegestientis. Tolle cupidinem
Immitis uvae: iam tibi lividos
Distinguet autumnus racemos
Purpureo varius colore.

Jam te sequetur: currit enim ferox
Aetas et illi, quos tibi dempserit,
Apponet annos; iam proterva
Fronte petet Lalage maritum

Dilecta, quantum non Pholoë fugax,
Non Chloris albo sic umero nitens,
Ut pura nocturno renidet
Luna mari, Cnidiusve Gyges,

Придет пора

Она покуда шеей покорною
Ярмо не в силах вынести тесное,
    В труде равняясь паре, или
  Тяжесть быка, что взъярен любовью.

Ее мечты — средь луга зеленого,
Где телке любо влагой проточною
    Умерить зной или резвиться
  В стаде телят в ивняке росистом.

К незрелым гроздьям брось вожделение:
Придет пора, и ягоды бледные
    Лозы́ окрасит в цвет пурпу́рный
  Пестрая осень в черед обычный.

Свое получишь: время жестокое
Бежит, и ей те годы придаст оно,
    Что у тебя отнимет; явно
  Ла̀лага будет искать супруга

И всех затмит: за робкой Фолоею
Хлориду даже, что ярче месяца
    Сияет белыми плеча̀ми,
  Споря красою с книдийцем Гигом,

Quem si puellarum insereres choro,
Mire sagaces falleret hospites
    Discrimen obscurum solutis
  Crinibus ambiguoque voltu.

Который, если он замешается
В девѝчий круг, то длинными ку̀дрями
И ликом женственным обманет
Даже того, кто пытлив и зорок.

II, 6

Septimi, Gades aditure mecum et
Cantabrum indoctum iuga ferre nostra et
Barbaras Syrtes, ubi Maura semper
Aestuat unda.

Tibur Argeo positum colono
Sit meae sedes utinam senectae,
Sit modus lasso maris et viarum
Militiaeque!

Unde si Parcae prohibent iniquae,
Dulce pellitis ovibus Galaesi
Flumen et regnata petam Laconi
Rura Phalantho.

Ille terrarum mihi praeter omnes
Angulus ridet, ubi non Hymetto
Mella decedunt viridique certat
Baca Venafro;

Ver ubi longum tepidasque praebet
Juppiter brumas, et amicus Aulon
Fertili Baccho minimum Falernis
Invidet uvis.

Мечта

В Гады, знаю я, ты готов, Септимий,
Следовать за мной, и к кантабрам диким,
И к заливам тем, где кипят извечно
Маврские волны.

Но моя мечта, чтоб Тибур, что сoздан
Греческой рукой, мне приют под старость
Дал, и в нем от бурь, от пути и службы
Отдых обрел я.

Если ж возбранят мне и это Парки,
К милым устремлюсь берегам Галеза,
Пышнорунные где пасутся овцы
В царстве Фаланта.

Улыбнулся мне больше всех на свете
Этот уголок. Там и мед гиметтским
Не был превзойдён, а оливки спорят
Славой с Венафром.

Дòлги вёсны там, там Юпитер зимы
Мягкие нам шлет, и, любезный Вакху,
Зависти там чужд плодоносный Авлон
К гроздьям фалернским.

Ille te mecum locus et beatae
Postulant arces; ibi tu calentem
Debita sparges lacrima favillam
Vatis amici.

Этот край — приют, благодати полный,
Нас с тобой зовет, и, быть может, должной
Оросишь слезой ты горячий прах там
Друга-поэта.

II, 7

O saepe mecum tempus in ultimum
Deducte Bruto militiae duce,
Quis te redonavit Quiritem
Dis patriis Italoque caelo,

Pompei, meorum prime sodalium?
Cum quo morantem saepe diem mero
Fregi coronatus nitentes
Malobathro Syrio capillos.

Tecum Philippos et celerem fugam
Sensi relicta non bene parmula,
Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum tetigere mento.

Sed me per hostes Mercurius celer
Denso paventem sustulit aëre;
Te rursus in bellum resorbens
Unda fretis tulit aestuosis.

Ergo obligatam redde Iovi dapem
Longaque fessum militia latus
Depone sub lauru mea nec
Parce cadis tibi destinatis.

На возвращение друга

О ты, с кем часто к часу последнему
Водимы были в войске мы Брутовом, —
Кто возвратил тебя квиритом
Отчим богам под родное небо,

Помпей, любимый друг и товарищ мой,
С которым часто день коротал я свой
За чашею в венке, душистым
Мирром сирийским насытив кудри?

С тобой Филиппы вместе я пережил
И бегство, щит как бросил бесчестно я,
Когда дух войска был уж сломлен,
Грозные ж пали лицом на землю.

Но я средь вражьей рати Меркурием
Спасен был, скрытый в трепете сумраком;
Тебя же снова волн громады
Бросили в войн и волнений бездну.

Воздай же Зевсу должное жертвою
И, утомленный долгою службою,
Под лавром ты моим приляг и
Ждавших тебя не щади кувшинов

Oblivioso levia Massico
Ciboria exple; funde capacibus
Unguenta de conchis. Quis udo
Deproperare apio coronas

Curatve myrto? quem Venus arbitrum
Dicet bibendi? Non ego sanius
Bacchabor Edonis: recepto
Dulce mihi furere est amico.

И кубки крепкой влагой массийскою
Наполни: мази лей благовонные
Щедрей из раковин. Кто мирт нам
Иль сельдерей заплетет венками?

Кого Венера, выбрав, назначит нам
Главой попойки? Я же упьюсь вином
Не хуже эдонийцев. Сладко
Буйно кутнуть, обретая друга!

II, 9

Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros aut mare Caspium
Vexant inaequales procellae
Usque, nec Armeniis in oris,

Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes aut Aquilonibus
Querceta Gargani laborant
Et foliis viduantur orni:

Tu semper urges flebilibus modis
Mysten ademptum, nec tibi Vespero
Surgente decedunt amores
Nec rapidum fugiente Solem.

At non ter aevo functus amabilem
Ploravit omnes Antilochum senex
Annos, nec impubem parentes
Troilon aut Phrygiae sorores

Flevere semper. Desine mollium
Tandem querelarum, et potius nova
Cantemus Augusti tropaea
Caesaris et rigidum Niphaten,

Вальгию Руфу

Не вечно дождь на жнивы колючие
Из низких льется туч, и до Каспия
Колышут бури гладь морскую,
Как и не вечно, — не каждый месяц, —

Друг Вальгий, верь мне, — в дальней Армении
Недвижен лед, иль рощи дубовые
Гаргàна стонут от Борея,
Ясени ж наши стоят без листьев

Лишь ты один о Мисте утраченном
Всё горько стонешь, с памятью милою
Не расставаясь на восходе
Веспера, ни на его закате.

Не все же годы Нестор оплакивал
Смерть Антилоха, сына любимого;
Не вечно слезы лили сестры
Или родители по Троиле.

Уйми же слезы, брось свои жалобы!
Не лучше ль спеть про новые Августа
Трофеи славные, поведав
О неприступных Нифата высях

Medumque flumen gentibus additum
Victis minores volvere vertices,
    Intraque praescriptum Gelonos
  Exiguis equitare campis.

И о реке, что в Мидии вольною
Не будет больше, вместе с подвластными
Отныне Риму племенами,
И о лишенных простора скифах.

II, 10

Rectius vives, Licini, neque altum
Semper urgendo neque, dum procellas
Cautus horrescis, nimium premendo
Litus iniquum.

Auream quisquis mediocritatem
Diligit, tutus caret obsoleti
Sordibus tecti, caret invidenda
Sobrius aula.

Saepius ventis agitatur ingens
Pinus et celsae graviore casu
Decidunt turres feriuntque summos
Fulgura montes.

Sperat infestis, metuit secundis
Alteram sortem bene praeparatum
Pectus. Informes hiemes reducit
Iuppiter, idem

Summovet. Non, si male nunc, et olim
Sic erit: quondam cithara tacentem
Suscitat Musam neque semper arcum
Tendit Apollo.

Золотая середина

Будешь жить ладней, не стремясь, Лициний,
Часто в даль морей и не жмяся робко,
Из боязни бурь, к берегам неровным
И ненадежным.

Тот, кто золотой середине верен,
Мудро избежит и убогой кровли,
И того, в других что питает зависть, —
Дивных чертогов.

Чаще треплет вихрь великаны-сосны,
Тяжелей обвал высочайших башен,
И громады гор привлекают чаще
Молний удары.

И в беде большой ко всему готовый
Жив надеждой; но средь удач — опаслив;
Зиму лютую, приведя. сживает
Тот же Юпитер.

Плохо пусть сейчас — не всегда ж так будет:
Наступает миг — Аполлон кифарой
Музы будит сон: не всегда одним он
Занят всё луком!

Rebus angustis animosus atque
Fortis appare; sapienter idem
Contrahes vento nimium secundo
Turgida vela.

Силен духом будь, не клонись в напасти,
А когда во-всю дует ветр попутный,
Мудро сократи, подобрав немного,
Вздувшийся парус.

II, 15

Iam pauca aratro iugera regiae
Moles relinquent, undique latius
Extenta visentur Lucrino
Stagna lacu, platanusque caelebs

Evincet ulmos; tum violaria et
Myrtus et omnis copia narium
Spargent olivetis odorem
Fertilibus domino priori;

Tum spissa ramis laurea fervidos
Excludet ictus. Non ita Romuli
Praescriptum et intonsi Catonis
Auspiciis veterumque norma.

Privatus illis census erat brevis,
Commune magnum: nulla decempedis
Metata privatis opacam
Porticus excipiebat Arcton,

Nec fortuitum spernere caespitem
Leges sinebant, oppida publico
Sumptu iubentes et deorum
Templa novo decorare saxo.

Бесполезная роскошь

Землѝ уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняет платан безбрачный

Лозы̀ подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены мàслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;

И лавр густою пѐренял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый, —
Предки другой нам пример давали.

Немногим каждый лично владел тогда,
Но процветала общая собственность;
Не знали предки в жизни частной
Портиков длинных лицом на север;

Не возбранялся прежде законами
Кирпич из дерна, и одобрялся лишь
Расход общественный на мрамор
Для городов и величья храмов.

II, 16

Otium divos rogat in patenti
Prensus Aegaeo, simul atra nubes
Condidit lunam neque certa fulgent
Sidera nautis;

Otium bello furiosa Thrace,
Otium Medi pharetra decori,
Grosphe, non gemmis neque purpura ve-
nale neque auro.

Non enim gazae neque consularis
Summovet lictor miseros tumultus
Mentis et curas laqueata circum
Tecta volantes.

Vivitur parvo bene, cui paternum
Splendet in mensa tenui salinum,
Nec leves somnos timor aut cupido
Sordidus aufert.

Quid brevi fortes iaculamur aevo
Multa? Quid terras alio calentes
Sole mutamus? Patriae quis exsul
Se quoque fugit?

Помпею Гросфу

Просит тишины у богов в молитве
Тот, кого в пути захватила буря,
Тучей скрыв над ним и луну и звезды
В море Эгейском.

Просит тишины среди войн фракиец,
Просят тишины молодцы-мидийцы.
Но покоя, Гросф, не купить за пурпур,
Геммы иль злато.

Ведь не устранят у вельможи ликтор
И богатства все тех душѝ волнений
И забот ума, что и под роскошной
Кровлей витают.

Хорошо подчас и тому живется,
У кого блестит на столе солонка
Отчая одна, но ни страх, ни страсти
Сна не тревожат.

Что ж стремимся мы в быстротечной жизни
К многому? Зачем мы меняем страны?
Разве может кто от себя сокрыться,
Родину бросив?

Scandit aeratas vitiosa naves
Cura nec turmas equitum relinquit,
Ocior cervis et agente nimbos
Ocior Euro.

Laetus in praesens animus quod ultra est
Oderit curare et amara lento
Temperet risu; nihil est ab omni
Parte beatum.

Abstulit clarum cita mors Achillem,
Longa Tithonum minuit senectus
Et mihi forsan, tibi quod negarit,
Porriget hora.

Te greges centum Siculaeque circum
Mugiunt vaccae, tibi tollit hinnitum
Apta quadrigis equa, te bis Afro
Murice tinctae

Vestiunt lanae: mihi parva rura et
Spiritum Graiae tenuem Camenae
Parca non mendax dedit et malignum
Spernere volgus.

Лезет на корабль боевой Забота,
За конями турм боевых несется
Легче, чем олень, и быстрей, чем ветер,
Тучи несущий.

Будь доволен тем, что имеешь; в прочем
Беззаботен будь и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.

Быстро смерть, сгубив, унесла Ахилла,
Облик измельчал в долгий век Тифона,
Мне ж, быть может, то, в чем тебе откажет,
Время дару̀ет.

У тебя — скота много стад роскошных;
Кони только ждут, чтоб везти четверкой
Колесницу; ты носишь ткань, что пурпур
Дважды окрасил.

У меня — полей небольшой достаток,
Но зато даны мне нелживой Паркой
Эллинских Камен нежный дар и к злобной
Черни презренье.

II, 18

Non ebur neque aureum
Mea renidet in domo lacunar,
Non trabes Hymettiae
Premunt columnas ultima recisas

Africa, neque Attali
Ignotus heres regiam occupavi,
Nec Laconicas mihi
Trahunt honestae purpuras clientae.

At fides et ingeni
Benigna vena est, pauperemque dives
Me petit; nihil supra
Deos lacesso nec potentem amicum

Largiora flagito,
Satis beatus unicis Sabinis.
Truditur dies die,
Novaeque pergunt interire lunae.

Tu secanda marmora
Locas sub ipsum funus et sepulcri
Immemor struis domos
Marisque Baiis obstrepentis urges

Мера в жизни

У меня ни золотом,
Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
Колонн, гиметтским мрамором венча̀нных;

Как наследник А̀ттала
Сомнительный, я не стяжал чертогов,
И одежд пурпуровых
Не ткут мне жены честные клиентов.

Но за то, что лирою
И песнопенья даром я владею, —
Мил я и богатому.
Ни от богов, ни от друзей не жду я

Блага в жизни бо̀льшего:
Одним поместьем счастлив я в Сабинах.
Днями дни сменяются,
И, нарождаясь, вечно тают луны;

Ты ж готовишь мраморы,
Чтоб строить новый дом, когда могила
Ждет тебя разверстая,
И, ненасытный, ты выносишь в Байях

Summovere litora,
Parum locuples continente ripa.
Quid, quod usque proximos
Revellis agri terminos et ultra

Limites clientium
Salis avarus? Pellitur paternos
In sinu ferens deos
Et uxor et vir sordidosque natos.

Nulla certior tamen
Rapacis Orci fine destinata
Aula divitem manet
Erum. Quid ultra tendis? Aequa tellus

Pauperi recluditur
Regumque pueris, nec satelles Orci
Callidum Promethea
Revexit auro captus. Hic superbum

Tantalum atque Tantali
Genus coërcet, hic levare functum
Pauperem laboribus
Vocatus atque non vocatus audit.

Берег в море шумное, —
Как будто тесно для тебя на суше!
Что ж? Тебе и этого
Еще все мало, и, раздвинув грани,

Рад своих клиентов ты
Присвоить землю — и чета несчастных
С грязными ребятами
Богов отцовских тащит, выселяясь...

А меж тем, вернее нет
Дворца, что ждет у жадного Плутона
Барина богатого
В конце дороги. Что ж еще ты бьешься?

Та ж ведь расступается
Земля пред бедным, как и пред царями;
Прометея хитрого
Не спас Харон за злато; Орком гордый

Та̀нтал, как и Та̀нтала
Весь род, обуздан; но Плутон, чтоб бремя
Снять с бедняги честного,
Готов на помощь, званый и незваный.

Carminum
liber tertius

Оды
Книга третья

III, 2

Angustam amice pauperiem pati
Robustus acri militia puer
Condiscat et Parthos feroces
Vexet eques metuendus hasta

Vitamque sub divo et trepidis agat
In rebus. Illum ex moenibus hosticis
Matrona bellantis tyranni
Prospiciens et adulta virgo

Suspiret: eheu, ne rudis agminum
Sponsus lacessat regius asperum
Tactu leonem, quem cruenta
Per medias rapit ira caedes.

Dulce et decorum est pro patria mori
Mors et fugacem persequitur virum,
Nec parcit imbellis iuventae
Poplitibus timidoque tergo.

Virtus repulsae nescia sordidae
Intaminatis fulget honoribus,
Nec sumit aut ponit secures
Arbitrio popularis aurae.

Римскому юношеству

Военным долгом призванный юноша
Готов да будет к тяжким лишениям;
Да будет грозен он парфя̀нам
В бешеной схватке копьем подъятым.

Без крова жить средь бранных опасностей
Он пусть привыкнет. Пусть, увидав его
Со стен твердыни вражьей, молвит
Дочке-невесте жена тирана:

«Ах, как бы зять наш будущий царственный,
В искусстве ратном мало лишь сведущий,
Не раззадорил льва, что в сечу
Бурно кидается в яром гневе!»

Красна и сла̀дка смерть за отечество;
А смерть разит ведь также бегущего
И не щадит у моло̀дежи
Спин и поджилок затрепетавших.

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет доблесть славой немеркнущей
И ни приемлет, ни слагает
Власти по прихоти толп народных.

Virtus recludens immeritis mori
Caelum negata temptat iter via,
Coetusque volgares et udam
Spernit humum fugiente penna.

Est et fideli tuta silentio
Merces: vetabo, qui Cereris sacrum
Volgarit arcanae, sub isdem
Sit trabibus fragilemve mecum

Solvat phaselon; saepe Diespiter
Neglectus incesto addidit integrum:
Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede Poena claudo.

И, открывая небо достойному
Бессмертья, Доблесть рвется заказанным
Путем подняться и на крыльях
Быстро летит от толпы и грязи.

Но есть награда также хранителям
И тайн. И если кто элевзинские
Нарушит тайны, то его я
Не потерплю под одною кровлей,

Иль в том же чёлне. Часто Дие́спитер
Карает в гневе с грешным невинного,
Но редко пред собой злодея
Кара упустит, хотя б хромая.

III, 9

Donec gratus eram tibi
Nec quisquam potior brachia candidae
Cervici iuvenis dabat,
Persarum vigui rege beatior.

Donec non alia magis
Arsisti neque erat Lydia post Chloën,
Multi Lydia nominis
Romana vigui clarior Ilia.

Me nunc Thressa Chloë regit
Dulces docta modos et citharae sciens.
Pro qua non metuam mori,
Si parcent animae fata superstiti.

Me torret face mutua
Thurini Calaïs filius Ornyti,
Pro quo bis patiar mori,
Si parcent puero fata superstiti.

Quid, si prisca redit Venus
Diductosque iugo cogit aëneo,
Si flava excutitur Chloë
Reiectaeque patet ianua Lydiae?

Примирение

Мил покуда я был тебе
И другой не дерзал тронуть объятием
Шею девственно-белую, —
Право, жил я царя персов счастливее.

«Не пылал пока страстию
Ты к другой, вознеся Хлою над Лидией, —
С гордым Лидии именем
Я знатнее жила римлянки Илии».

Надо мной уж царит теперь,
Звоном цитры пленив, Хлоя фракиянка.
За нее умереть я рад, —
Было б лишь суждено счастье голубушке.

«А меня страсти пламенем
Охватил Калаид, юный сын О́рнита.
За него хоть две смерти мне, —
Было б лишь суждено счастие милому».

Ну а если б пришла опять
К нам любовь и ярмом прочно сковала нас?
Если б русую Хлою я
Позабыл и открыл двери для Лидии?

Quamquam sidere pulchrior
Ille est, tu levior cortice et improbo
Iracundior Hadria,
Tecum vivere amem, tecum obeam libens.

«Хоть звезды он прекраснее,
Ты ж древесной коры легче и Адрия
Злого ты своенравнее, —
Рада жить я с тобой и умереть с тобой!»

III, 10

Extremum Tanain si biberes, Lyce,
Saevo nupta viro, me tamen asperas
Porrectum ante fores obicere incolis
Plorares Aquilonibus.

Audis, quo strepitu ianua, quo nemus
Inter pulchra satum tecta remugiat
Ventis, et positas ut glaciet nives
Puro numine Iuppiter?

Ingratam Veneri pone superbiam,
Ne currente retro funis eat rota.
Non te Penelopen difficilem procis
Tyrrhenus genuit parens.

O quamvis neque te munera nec preces
Nec tinctus viola pallor amantium
Nec vir Pieria pellice saucius
Curvat, supplicibus tuis

Parcas, nec rigida mollior aesculo
Nec Mauris animum mitior anguibus.
Non hoc semper erit liminis aut aquae
Caelestis patiens latus.

Серенада

Если Дона струи, Лика, пила бы ты,
Став женой дикаря, всё же, простертого
На ветрỳ пред твоей дверью жестокою,
Ты меня пожалела бы!

Слышишь, как в темноте двери гремят твои,
Стонет как, между вилл, ветру ответствуя,
Сад твой, — как леденит Зевс с неба ясного
Стужей снег свеже-выпавший?

Брось же гордость свою ты, неприятную
Для Венеры, чтоб нить не оборвàлась вдруг:
Ведь родил же тебя не Пенелопою
Твой отец из Этрурии!

И хотя бы была ты непреклонною
Пред дарами, мольбой, бледностью любящих,
Между тем как твой муж юной гречанкою
Увлечен, — всё же смилуйся

Над молящим! Не будь дуба упористей
И ужасней в душе змей Мавритании:
Ведь не вечно мой бок будет бесчувственен
И к порогу, и к сырости!

III, 12

Miserarum est neque amori dare ludum neque dulci
Mala vino lavere, aut exanimari metuentes
Patruae verbera lingūae.

Tibi qualum Cythereae puer ales, tibi telas
Operosaeque Minervae studium aufert, Neobule,
Liparaei nitor Hebri,

Simul unctos Tiberinis umeros lavit in undis,
Eques ipso melior Bellerophonte, neque pugno
Neque segni pede victus;

Catus idem per apertum fugientes agitato
Grege cervos iaculari et celer alto latitantem
Fruticeto excipere aprum.

Жалоба Необулы

Пожалейте ту, что хочет волю чувству дать живому
И тоску развеять хмелем, но от страха обмирает
Перед тяжестью укоров.

Ведь у бедной Необулы легкокрылый сын Венеры
Уж похитил и корзинку и работу — дань Минерве:
Ослепил ее блеск Гебра,

Что смывает в вòлнах Тибра с плеч могучих натиранье, —
Гебра-всадника, искусней самого Беллерофонта;
Он не знает поражений

Ни в бою, ни в быстром беге: он искусно на поляне
В бег оленей поражает, а в кустах и в дебрях леса
Ловко вепря добывает.

III, 13

O fons Bandusiae, splendidior vitro,
Dulci digne mero non sine floribus,
  Cras donaberis haedo,
    Cui frons turgida cornibus

Primis et venerem et proelia destinat;
Frustra: nam gelidos inficiet tibi
  Rubro sanguine rivos
    Lascivi suboles gregis.

Te flagrantis atrox hora Caniculae
Nescit tangere, tu frigus amabile
  Fessis vomere tauris
    Praebes et pecori vago.

Fies nobilium tu quoque fontium
Me dicente cavis impositam ilicem
  Saxis, unde loquaces
    Lymphae desiliunt tuae.

Бандузийский ключ

О Бандузии ключ! Влагой хрустальною
Сочетанья с вином в праздник достоин ты.
Завтра в дар тебе козлик
Будет дан: уже лоб его

Вздут буграми рогов — признаком мужества.
Но вотще: оросит кровью багряною
Берег твой охлажденный
Стада резвого баловень.

И не властны тебя печь раскаленные
Дни Каникулы; ты радуешь свежестью
То волов истомленных,
То овец забредающих.

Станешь также и ты славным источником,
Как спою я про сень дуба могучего
Над скалою, с которой
Ток болтливый твой прядает.

III, 22

Montium custos nemorumque, Virgo,
Quae laborantes utero puellas
Ter vocata audis adimisque leto,
Diva triformis,

Imminens villae tua pinus esto,
Quam per exactos ego laetus annos
Verris obliquum meditantis ictum
Sanguine donem.

Посвящение Диане

Страж окрестных гор и лесов, о Дева,
Ты, что внемля зов троекратный юных
Жен-родильниц, их бережешь от смерти,
Ликом тройная!

Будет пусть твоей та сосна, что сенью
Дом венчает мой; да под ней тебя я
Кровью одарю кабана̀, что грозен
Сбоку ударом.

III, 26

Vixi puellis nuper idoneus
Et militavi non sine gloria;
Nunc arma defunctumque bello
Barbiton hic paries habebit,

Laevum marinae qui Veneris latus
Custodit. Hic, hic ponite lucida
Funalia et vectes et arcus
Oppositis foribus minaces.

O quae beatam diva tenes Cyprum et
Memphin carentem Sithonia nive,
Regina, sublimi flagello
Tange Chloën semel arrogantem.

К Венере

Девицам долго знал я чем нравиться
И долго службу нес не без славы я;
Теперь оружие и лиру
После побед их стена та примет,

Что охраняет образ Венеры нам.
Сюда, сюда вы яркие факелы
Несите и воротам крепким
Грозные ломы, а также луки.

О золотого Кипра владычица
И Мемфа, снега вечно лишенного,
Царица вышняя! Бичом ты
Раз хоть коснись непокорной Хлои.

III, 30

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius,
Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Possit diruere aut innumerabilis

Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar, multaque pars mei
Vitabit Libitinam: usque ego postera
Crescam laude recens, dum Capitolium

Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens

Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos. Sume superbiam
Quaesitam meritis et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Памятник

Создан памятник мной. Он вековечнее
Меди и пирамид выше он царственных.
Не разрушит его дождь разъедающий,
Ни жестокий Борей, ни бесконечная

Цепь грядущих годов, в даль убегающих.
Нет, не весь я умру! Лучшая часть моя
Избежит похорон: буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною

Всходит по ступеня̀м в храм Капитолия.
Будет ведомо всем, что возвеличился
Сын страны, где шумит А̀уфид стремительный,
Где безводный удел Давна — Апулия, —

Эолийский напев в песнь италийскую
Перелив. Возгордись этою памятной
Ты заслугой моей и, благосклонная
Мельпомена, увей лавром чело мое!

Carminum liber quartus

Оды Книга четвертая

IV, 3

Quem tu, Melpomene, semel
Nascentem placido lumine videris,
Illum non labor Isthmius
Clarabit pugilem, non equus impiger

Curru ducet Achaico
Victorem, neque res bellica Deliis
Ornatum foliis ducem,
Quod regum tumidas contuderit minas,

Ostendet Capitolio:
Sed quae Tibur aquae fertile praefluunt
Et spissae nemorum comae
Fingent Aeolio carmine nobilem.

Romae principis urbium
Dignatur suboles inter amabiles
Vatum ponere me choros,
Et iam dente minus mordeor invido.

O testudinis aureae
Dulcem quae strepitum, Pieri, temperas,
O mutis quoque piscibus
Donatura cycni, si libeat, sonum,

Мельпомене

Тот, кого, Мельпомена, ты
При рожденьи хоть раз взглядом приветила,
Не прославится в Истмиях
Знаменитым бойцом и победителем,

Не помчится на греческой
Колеснице. Его ратные подвиги
Не введут триумфатором
В Капитолий за то, что он надменные

Смёл угрозы царей во прах.
Нет! но воды, Тибур плодотворящие,
И дубравы тенистые
В эолийских стихах славу родят ему.

В Риме, городе царственном,
Молодежью включен быть удостоен я
В круг поэтов излюбленных,
И уж меньше язвит зуб меня Зависти.

О, на лире божественной
Звуки славные струн дивно родящая,
Муза, песнь лебединую
Рыбам властная дать, если восхочешь ты!

Totum muneris hoc tui est,
Quod monstror digito praetereuntium
Romanae fidicen lyrae:
Quod spiro et placeo, si placeo, tuum est.

Это твой только дар благой —
Что прохожим знаком я становлюсь теперь,
Как хозяин родимых струн, —
Что живу и любим, если любим я стал.

IV, 7

Diffugère nives, redeunt iam gramina campis
Arboribusque comae;
Mutat terra vices et decrescentia ripas
Flumina praetereunt;

Gratia cum Nymphis geminisque sororibus audet
Ducere nuda choros.
Immortalia ne speres, monet annus et almum
Quae rapit hora diem.

Frigora mitescunt Zephyris, ver proterit aestas
Interitura, simul
Pomifer autumnus fruges effuderit, et mox
Bruma recurrit iners.

Damna tamen celeres reparant caelestia lunae:
Nos, ubi decidimus,
Quo pater Aeneas, quo dives Tullus et Ancus,
Pulvis et umbra sumus.

Quis scit, an adiciant hodiernae crastina summae
Tempora di superi?
Cuncta manus avidas fugient heredis, amico
Quae dederis animo.

Весною

Снег последний сошел, зеленеют луга муравою,
Ку́дрями кроется лес;
В новом наряде земля, и стало не тесно уж рекам
Воды струить в берегах;

Грация с сестрами вновь среди Нимф уж дерзает нагая
Легкий водить хоровод.
Ты же бессмертья не жди, — это год прожитой нам вещает
Так же, как солнца закат.

Холод Зефиром сменен; весна поглощается летом,
С тем чтоб и лето прошло;
И уже сыплет дары плодоносная осень, чтоб вскоре
Стала недвижно зима.

Месяца в небе ущерб возмещается быстро луною;
Мы же, когда низойдем
В вечный приют, где Эней, где Тулл велелепный и Марций, —
Будем лишь тени и прах.

Знает ли кто, подарят ли нам боги хоть день на придачу
К жизни уже прожитой?
Пусть же минует всё то рук наследника жадных, чем можешь
Жизнь ты свою усладить!

Cum semel oecideris et de te splendida Minos
Fecerit arbitria,
Non, Torquate, genus, non te facundia, non te
Restituet pietas.

Infernis neque enim tenebris Diana pudicum
Liberat Hippolytum,
Nec Lethaea valet Theseus abrumpere caro
Vincula Pirithoo.

Сто́ит тебе умереть, лишь Мино́с приговор в преисподней
Свой над тобой изречет, —
Ни красноречье тебя, ни твое благочестье, ни знатность
К жизни, Торкват, не вернут.

Даже Дианой не мог Гипполит целомудренный к жизни
Взят быть из царства тене́й,
И не способен Фесей сокрушить цепи Леты, в которых
Страждет давно Пирифой.

IV, 13

Audivere, Lyce, di mea vota, di
Audivere, Lyce: fis anus, et tamen
Vis formosa videri
Ludisque et bibis impudens

Et cantu tremulo pota Cupidinem
Lentum sollicitas. Ille virentis et
Doctae psallere Chiae
Pulchris excubat in genis.

Importunus enim transvolat aridas
Quercus et refugit te, quia luridi
Dentes, te quia rugae
Turpant et capitis nives.

Nec Coae referunt iam tibi purpurae
Nec clari lapides tempora, quae semel
Notis condita fastis
Inclusit volucris dies.

Quo fugit venus, heu, quove color? decens
Quo motus? quid habes illius, illius,
Quae spirabat amores,
Quae me surpuerat mihi,

Лике

Вняли, Лика, моим боги желаниям,
Вняли, Лика! И вот ты уже старишься,
Но все хочешь казаться
Юной, — пляшешь, бесстыдница,

Пьешь и хочешь зазвать песнью дрожащею
Ты Эрота, а тот жертву ждет новую
На ланитах цветущей
Хии, цитры владычицы.

Он, порхая, дубов дряхлых сторонится,
И тебя нотому он обегает, что
У тебя уж морщины,
Зубы желты и снег в кудря̀х.

И ни косская ткань полупрозрачная,
Ни камней дорогих блеск не вернут тебе
Тех времен улетевших,
След которых лишь в записях.

Где же прелесть, увы, где же румянец твой,
Где движений краса? Облик где той-то, — той,
Что любовью дышала,
Сердце тайно в полон брала,

Felix post Cinaram, notaque et artium
Gratarum facies? Sed Cinarae breves
Annos fata dederunt,
Servatura diu parem

Cornicis vetulae temporibus Lycen,
Possent ut iuvenes visere fervidi
Multo non sine risu
Dilapsam in cineres facem.

Состязалась красой с юной Цинарою?
Но Цинаре судьба краткий лишь век дала,
Собираясь, вороне
Старой возрастом равную,

Лику долго хранить, чтобы картиною
Любоваться могли пылкие юноши,
Не без громкого смеха
Пред обугленным факелом.

Epodon liber

Эподы

2

«Beatus ille, qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis,
Solutus omni fenore,
Neque excitatur classico miles truci,
Neque horret iratum mare,
Forumque vitat et superba civium
Potentiorum limina.
Ergo aut adulta vitium propagine
Altas maritat populos,
Aut in reducta valle mugientium
Prospectat errantes greges,
Inutilesque falce ramos amputans
Feliciores inserit,
Aut pressa puris mella condit amphoris,
Aut tondet infirmas oves;
Vel cum decorum mitibus pomis caput
Autumnus agris extulit,
Ut gaudet insitiva decerpens pira,
Certantem et uvam purpurae,
Qua muneretur te, Priape, et te, pater
Silvane, tutor finium!
Libet iacere modo sub antiqua ilice,
Modo in tenaci gramine.

Прелести деревенской жизни

«Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали в логу заброшенном,
Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных;
Когда ж в угодьях осень вскинет голову,
Гордясь плодами зрелыми, —
Как рад снимать он груш плоды отборные
И виноград пурпуровый
Тебе, Приап, как дар, или тебе, отец
Сильван, хранитель вотчины!
Захочет — ляжет иль под дуб развесистый
Или в траву высокую.

Labuntur altis interim ripis aquae,
Quaeruntur in silvis aves,
Fontesque lymphis obstrepunt manantibus,
Somnos quod invitet leves.
At cum tonantis annus hibernus Iovis
Imbres nivesque comparat,
Aut trudit acres hinc et hinc multa cane
Apros in obstantes plagas,
Aut amite levi rara tendit retia,
Turdis edacibus dolos,
Pavidumque leporem et advenam laqueo gruem
Iucunda captat praemia.
Quis non malarum, quas amor curas habet,
Haec inter obliviscitur?
Quodsi pudica mulier in partem iuvet
Domum atque dulces liberos,
Sabina qualis aut perusta solibus
Pernicis uxor Apuli,
Sacrum vetustis exstruat lignis focum
Lassi sub adventum viri,
Claudensque textis cratibus laetum pecus
Distenta siccet ubera,
Et horna dulci vina promens dolio
Dapes inemptas apparet:
Non me Lucrina iuverint conchylia
Magisve rhombus aut scari,
Si quos Eois intonata fluctibus
Hiems ad hoc vertat mare;
Non Afra avis descendat in ventrem meum,
Non attagen Ionicus
Iucundior, quam lecta de pinguissimis
Oliva ramis arborum,
Aut herba lapathi prata amantis et gravi
Malvae salubres corpori,

Лепечут воды между тем в руслѐ крутом,
  Щебечут птицы пò лесу,
Струям же вторят листья нежным шопотом,
  Сны навевая легкие...
Когда ж Юпитер-громовержец вызовет
  С дождями зиму снежную, —
В тенёта гонит кабанов свирепых он
  Собак послушных сворою,
Иль расстилает сети неприметные,
  Дроздов ловя прожорливых;
Порой и зайца в петлю ловит робкого,
  И журавля залетного.
Ужели дум нельзя развеять суетных
  Среди всех этих радостей,
Вдобавок если ты с подругой скромною,
  Что нянчит милых детушек,
С какой-нибудь сабинкой, апульянкою,
  Под солнцем загоревшею?
Она к приходу мужа утомленного
  Очаг зажжет приветливый
И, скот загнав за изгородь, сама пойдет
  Сосцы доить упругие,
Потом вина подаст из бочки легкого
  И трапезу домашнюю.
Тогда не надо ни лукринских устриц мне,
  Ни губанà, ни кàмбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего
  Восточный ветер с бурею;
И не прельстит цесарка африканская,
  Иль франколин Ионии
Меня сильнее, чем оливки жирные,
  С деревьев прямо снятые,
Чем луговой щавель, для тела легкая
  Закуска из просвирника,

Vel agna festis caesa Terminalibus
Vel haedus ereptus lupo.
Has inter epulas ut iuvat pastas oves
Videre properantes domum,
Videre fessos vomerem inversum boves
Collo trahentes languido,
Positosque vernas, ditis examen domus,
Circum renidentes Lares!»
Haec ubi locutus fenerator Alfius,
Iam iam futurus rusticus,
Omnem redegit Idibus pecuniam,
Quaerit Kalendis ponere.

Или ягненок, к празднику заколотый,
Иль козлик, волком брошенный.
И как отрадно наблюдать за ужином
Овец, домой стремящихся,
Волов усталых с плугом перевернутым,
Что позади волочится,
И к ужину рабов, как рой собравшихся
Вокруг божеств сияющих!»
Когда наш Альфий-ростовщик так думает, —
Вот-вот уж и помещик он.
И все собрал он, было, к Идам денежки,
Да вновь к Календам в рост пустил!

7

Quo, quo scelesti ruitis? aut cur dexteris
  Aptantur enses conditi?
Parumne campis atque Neptuno super
  Fusum est Latini sanguinis,
Non, ut superbas invidae Karthaginis
  Romanus arces ureret,
Intactus aut Britannus ut descenderet
  Sacra catenatus via,
Sed ut secundum vota Parthorum sua
  Urbs haec periret dextera?
Neque hic lupis mos nec fuit leonibus
  Unquam nisi in dispar feris.
Furorne, caecus, an rapit vis acrior?
  An culpa? Responsum date!
Tacent et albus ora pallor inficit
  Mentesque perculsae stupent.
Sic est: acerba fata Romanos agunt
  Scelusque fraternae necis,
Ut immerentis fluxit in terram Remi
  Sacer nepotibus cruor.

К римлянам

Куда, куда вы валите, преступники,
Мечи в безумьи выхватив?
Неужли мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне, —
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы, парфянам на-руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь правнуков заклявшая.

15

Nox erat et caelo fulgebat luna sereno
Inter minora sidera,
Cum tu magnorum numen laesura deorum
In verba iurabas mea,
Artius atque hedera procera adstringitur ilex,
Lentis adhaerens brachiis:
Dum pecori lupus et nautis infestus Orion
Turbaret hibernum mare,
Intonsosque agitaret Apollinis aura capillos,
Fore hunc amorem mutuum.
O dolitura mea multum virtute Neaera!
Nam si quid in Flacco viri est,
Non feret assiduas potiori te dare noctes,
Et quaeret iratus parem,
Nec semel offensae cedet constantia formae,
Si certus intrarit dolor.
Et tu, quicunque es felicior atque meo nunc
Superbus incedis malo,
Sis pecore et multa dives tellure licebit
Tibique Pactolus fluat,
Nec te Pythagorae fallant arcana renati,
Formaque vincas Nirea,
Eheu translatos alio maerebis amores,
Ast ego vicissim risero.

Измена

Ночью то было — луна на небе ясном сияла
Среди мерцанья звездного,
Страстно когда ты клялась, богов оскорбляя заране, —
Клялась, твердя слова мои,
И, обвивая тесней чем плющ ствол дуба высокий,
Меня руками гибкими,
Ты повторяла: доколь стадам будут волки тревогой,
Пловцам — восход Ориона;
Длинные ветер доколь развевает власы Аполлона, —
Взаимной будет страсть твоя!
Больно накажет тебя мне свойственный нрав, о Неэра:
Ведь есть у Флакка мужество, —
Он не претерпит того, что ночи даришь ты другому, —
Найдет себе достойную,
И не вернет красота оскорбленному прежнего чувства,
Раз горечь в сердце вкралася!
Ты же, соперник счастливый, кто б ни был ты, тщетно гордишься,
Моим хвалясь несчастием:
Пусть ты богат и скотом и землею, пускай протекает
По ней рекою золото;
Пусть доступны тебе Пифагора воскресшего тайны;
Прекрасней пусть Нирея ты, —
Всё же, увы, и тебе оплакать придется измену, —
А смеяться будет мой черед!

16

Altera iam teritur bellis civilibus aetas,
  Suis et ipsa Roma viribus ruit:
Quam neque finitimi valuerunt perdere Marsi
  Minacis aut Etrusca Porsenae manus,
Aemula nec virtus Capuae nec Spartacus acer
  Novisque rebus infidelis Allobrox,
Nec fera caerulea domuit Germania pube
  Parentibusque abominatus Hannibal,
Impia perdemus devoti sanguinis aetas,
  Ferisque rursus occupabitur solum.
Barbarus heu cineres insistet victor et Urbem
  Eques sonante verberabit ungula,
Quaeque carent ventis et solibus ossa Quirini,
  Nefas videre! dissipabit insolens.
Forte quid expediat communiter aut melior pars
  Malis carere quaeritis laboribus:
Nulla sit hac potior sententia, Phocaeorum
  Velut profugit exsecrata civitas
Agros atque Lares patrios habitandaque fana
  Apris reliquit et rapacibus lupis,
Ire pedes quocunque ferent, quocunque per undas
  Notus vocabit aut protervus Africus.
Sic placet? an melius quis habet suadere? Secunda
  Ratem occupare quid moramur alite?

К римскому народу

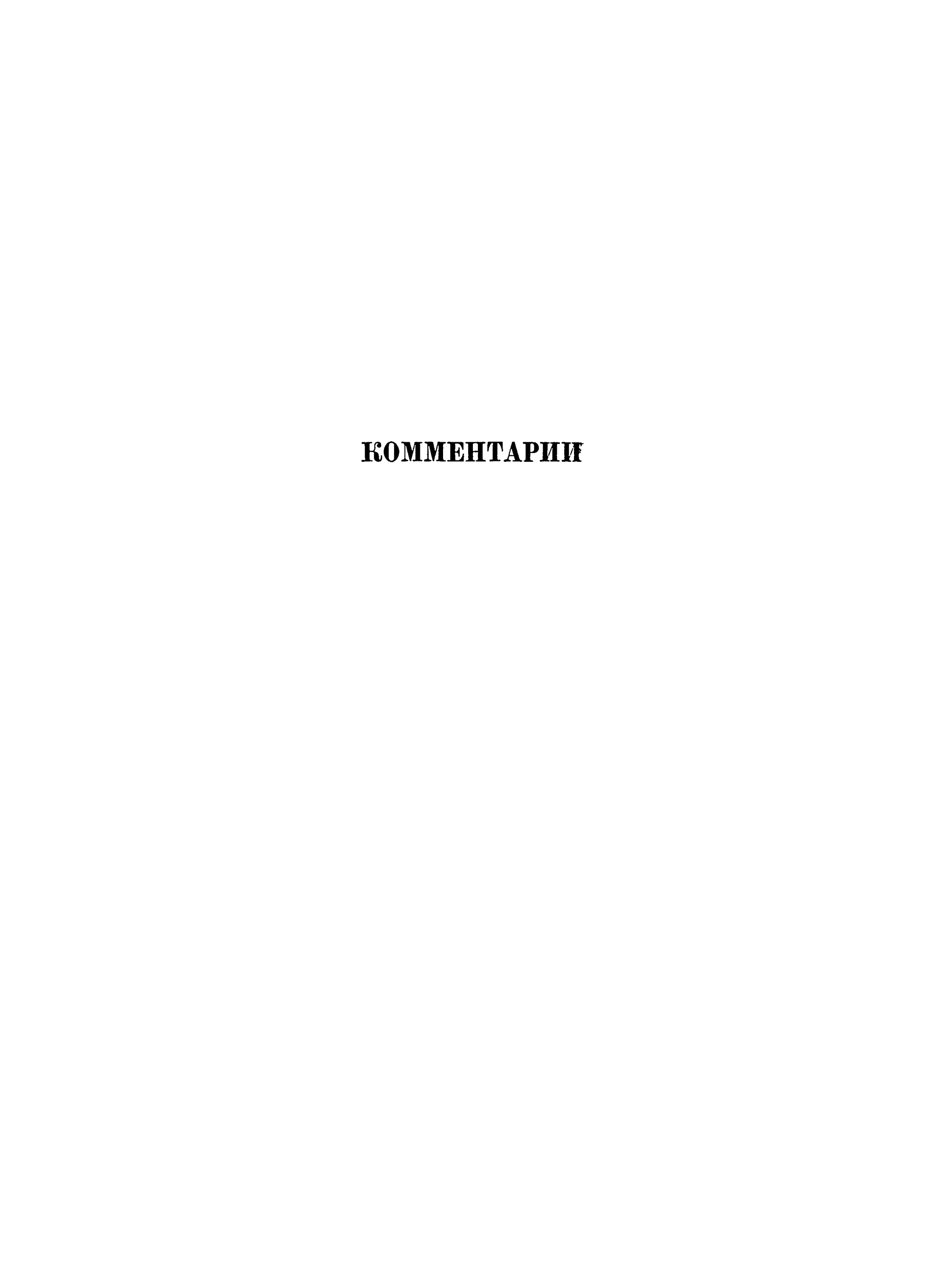
Два уж томятся у нас поколенья гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается, —
Рим, что сгубить не могли ни марсов соседнее племя,
Ни рать Порсены грозного этрусская,
Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллобро̀ги, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью, —
Отдаст он землю снова зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
Наш Рим, над прахом предков надругается;
Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О ужас — будут дерзостно разметаны...
Или, быть может, вы все, иль лучшие, ждете лишь слова
О том, что можно прекратить страдания?
Слушайте ж мудрый совет: подобно тому, как фокейцы,
Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, домà, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились вепри, волки лютые, —
Так же бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали пò морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!

Sed iuremus in haec: simul imis saxa renarint
  Vadis levata, ne redire sit nefas;
Neu conversa domum pigeat dare lintea, quando
  Padus Matina laverit cacumina,
In mare seu celsus procurrerit Appenninus,
  Novaque monstra iunxerit libidine
Mirus amor, iuvet ut tigres subsidere cervis.
  Adulteretur et columba miluo,
Credula nec ravos timeant armenta leones,
  Ametque salsa levis hircus aequora.
Haec, et quae poterunt reditus abscindere dulces,
  Eamus omnis exsecrata civitas,
Aut pars indocili melior grege; mollis et exspes
  Inominata perprimat cubilia!
Vos, quibus est virtus, muliebrem tollite luctum
  Etrusca praeter et volate litora.
Nos manet Oceanus circumvagus: arva, beata
  Petamus arva divites et insulas,
Reddit ubi cererem tellus inarata quotannis
  Et imputata floret usque vinea,
Germinat et nunquam fallentis termes olivae,
  Suamque pulla ficus ornat arborem,
Mella cava manant ex ilice, montibus altis
  Levis crepante lympha desilit pede.
Illic iniussae veniunt ad mulctra capellae,
  Refertque tenta grex amicus ubera;
Nec vespertinus circumgemit ursus ovile,
  Neque intumescit alta viperis humus.
Pluraque felices mirabimur: ut neque largis
  Aquosus Eurus arva radat imbribus,
Pinguia nec siccis urantur semina glebis,
  Utrumque rege temperante caelitum.
Nulla nocent pecori contagia, nullius astri
  Gregem aestuosa torret impotentia.

Но поклянемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес, — невместно возвращение!
К дому направить корабль да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матѝна мàкушку,
Или когда Апеннин высокий низвергнется в море, —
Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Блудить голубка станет с хищным коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни,
Козла ж заманит моря глубь соленая!
Верные клятве такой, возбранившей соблазн возвращенья,
Мы всем гуртòм, иль стада бестолкового
Лучшею частью — бежим! Пусть на гибельных нежатся ложах
Одни надежду с волей потерявшие.
Вы же, в ком сила жива, не слушая женских рыданий,
Летите мимо берегов Этрурии:
Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных.
Найдем ту землю, островà богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины,
И сизым плòдом убранà смоковница;
Мёд где обильно течет из дỳбов дуплистых, — где с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются козы,
Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю
Мочливый Эвр дождями непрестанными,
И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Там умеряет всё царь небожителей;
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.

Non huc Argoo contendit remige pinus
  Neque impudica Colchis intulit pedem;
Non huc Sidonii torserunt cornua nautae,
  Laboriosa nec cohors Ulixei.
Iuppiter illa piae secrevit litora genti,
  Ut inquinavit aere tempus aureum;
Aere, dehinc ferro duravit saecula, quorum
  Piis secunda vate me datur fuga.

Не устремлялся в тот край гребцами корабль Аргонавтов,
  И не ступала там нога Распутницы;
Не направляли туда кораблей ни пловцы-финикийцы,
  Ни рать Улисса, много претерпевшего.
Зевс уготовил брега те для рода людей благочестных,
  Когда затмил он золотой век бронзою;
Бронзовый век оковав железом, для всех благочестных
  Дает — пророчу — он теперь убежище.

КОММЕНТАРИИ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящий сборник включает одни лирические произведения Горация, именно его песни (carmina), которые в мировой литературе называются одами, а также ямбические эподы, как наиболее совершенные стихотворения Горация.

В русской литературе, кроме множества переводов отдельных пьес, до сих пор было два обширных стихотворных перевода Горация: 1) полный перевод всех его сочинений, сделанный Фетом, и 2) полный перевод од Горация, исполненный Порфировым. Оба перевода передают лирические произведения Горация, за единичными исключениями, современными средствами, — нашими обиходными тоническими размерами и притом стихами большей частью рифмованными. А это придает произведениям римского поэта совершенно чуждый им облик, — несвойственный им стиль, часто превращая их как бы в самостоятельные русские стихотворения, написанные только на темы Горация.

Я задался целью передать Горация по-русски с возможно полным соблюдением его стиля и формы.

Задача была тем более важной, что сам Гораций считал, как это высказано в его «Памятнике», одной из главных своих заслуг «переведение Эолийской песни

на италийские лады», т. е. введение в римскую лирику древне-греческих метров, созданных Алкеем, Сапфо, Асклепиадом и другими древне-греческими поэтами.

Хотя у меня были многочисленные предшественники в деле применения античных греко-римских метров в русской версификации, начиная с Сумарокова, современника Державина — Львова, Александра Радищева, известного филолога первой половины XIX века Востокова и многих других, — задача моя была тем более трудной, что применение античной метрики в русском стихосложении, за исключением одного лишь гексаметра и элегического дистиха, успеха не имело и было признано делом безнадежным даже со стороны такого авторитета в этой области, каким был покойный академик Ф. Е. Корш.

Моя работа, однако, получила широкое поощрение со стороны наших первых авторитетов в области античной литературы: профессоров М. И. Ростовцева, А. И. Малеина и покойных академиков В. В. Латышева, А. А. Шахматова и С. Ф. Ольденбурга; покойного профессора Н. А. Холодковского; большого знатока поэтической формы и техники стихосложения — поэта и критика — В. Я. Брюсова; теоретика версификации — Н. Н. Шульговского; педагогов-классиков С. О. Цыбульского, Г. Г. Зоргенфрея, А. М. Пульмана и ряда других лиц. Всем названным лицам я глубоко благодарен за помощь.

Мои переводы из Горация можно назвать силлабо-тоническим претворением метрических схем античности. В своих переводах лирических пьес Горация я старался, избегая р а б с т в а в переводе, возможно близко подойти к подлиннику в разных отношениях: точной передачи мысли, образности, изобразительной

пластики, логической интерпункции, евфоники, а в некоторых случаях даже словорасположения и звукописи оригинала.

В полной мере поэзию Горация, как и других классиков, можно оценить, лишь читая ее в подлиннике. Поразительная красота полных величия звуков латинской речи, классическая сжатость и выразительность языка Горация, античные г и п е р б а т ы, т. е. широкий разброс и переплетение слов, совершенно немыслимые в нашей речи, яркая звукопись, ритмическая изобразительность, достигаемая путем разложения долгих и слияния коротких слогов, наконец, античная метрика и просодия — все эти свойства непередаваемы, или передаваемы только отчасти в русском переложении, несмотря на поразительное лексическое и фонетическое богатство, замечательную метрическую гибкость и приспособляемость нашего прекрасного, полного жизненной силы и в высшей степени благодарного для поэзии русского языка.

Андрей Семенов-Тян-Шанский

ПРИМЕЧАНИЯ

Меценату [I,1].

Знаменитая ода Горация, обращенная к другу-покровителю его, Меценату. Она возглавила первые три книги од римского поэта, являясь как бы предисловием или посвящением к ним, и написана была позже других стихотворений, вошедших в эти книги. Пьеса эта интересна в бытовом отношении, так как она ярко рисует многие стороны жизни римлян, современников Горация.

9.* Под *ливийским полем* здесь разумеются северноафриканские, т. е. заморские имения богатых римлян.

12. *Аттал* — царь Пергама, завещавший Риму свои громадные богатства.

20—21. *Земляничное дерево*, Arbutus unedo, — деревцо с красивого тона зеленью, часто встречающееся в странах, прилегающих к Средиземному морю.

32—33. *Евтерпа . . Полигимния* — музы лирической и трагической поэзии.

Размер: 1-я Асклепиадова строфа.

Луцию Сестию [I,4]

Ода эта обращена к Луцию Сестию, приятелю Горация, *счастливому* (15) потому, что он, быв сперва (как и сам Гораций) сторонником Брута, убийцы Юлия Цезаря, не только не пострадал за это, но преемником Цезаря, племянником его Октавианом Августом был проведен в консулы. Ода относится, приблизительно,

* Цифра перед началом примечания означает ссылку на соответствующий стих оды или эпода.

к 22 году до н. э., когда Горацию было уже 43 года. По содержанию она близка к другой, написанной Горацием позже, оде 7-й IV книги (Манлию Торквату).

2. При помощи особых машин с блоками римляне перетаскивали к морю вытащенные на берег и просохшие за зиму днища своих кораблей.

5. Хороводы Нимф и Граций (олицетворения юной женской красоты), которые водит богиня любви Венера — обычный у Горация мифологический образ весны.

19. *Ликид* — неизвестный, славившийся своей красотой, мальчик.

Размер: 4-я Архилохова строфа, применявшаяся греческими поэтами Александрийского периода и испробованная Горацием только здесь. Она очень трудна для передачи в русском силлабо-тоническом стихе, так как слагается из четырех различных размеров.

Жертва женской ветрености [I,5].

1. *Пирра* — повидимому, условное имя.

14—16. Мореходы того времени, спасшись при кораблекрушении, имели обычай вешать на определенной для этого стене храма свои мокрые одежды, посвящая их богу моря — Нептуну. При этом вешалась и дощечка с описанием обстоятельств избавления от грозившей опасности.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

К Лидии [I,8].

1. *Лидия* — здесь, повидимому, условное имя.

2. *Сибарис* — вымышленное имя юноши.

14. *Сын Фетиды* (морской богини) — Ахилл, по преданию, был скрываем своею матерью под женским платьем, чтобы избегнуть предсказанной ему судьбы — гибели у стен Трои.

15. *Ликийцы* — жители малоазийской области Ликии, были союзниками троянцев.

Размер: 2-я Сапфическая строфа, которую Гораций единственный раз применил в этом стихотворении.

Юноше Талиарху [I,9].

Ода относится к одной из особенно суровых в Италии зим (может быть 42 г. до н. э.?).

2. *Соракт* — гора, ныне носящая название Monte S. Oreste, в 5 милях к северу от Рима.

8. *Талиарх* — имя юноши, повидимому вымышленное.

Ода написана излюбленной Горацием Алкеевой строфой, и на ней лежит печать сильного влияния этого греческого поэта, современника Сапфо, жившего в VII веке до н. э. Навеяно оно песнью Алкея, где в дошедшем до нас фрагменте рисуется суровая зима.

Совет эпикурейца [I,11].

2—3. *Вавилонские числа. . .* — подразумеваются гороскопические таблицы халдейских астрологов.

6. Выражение: vina liques — *цеди влагу вина*, объясняется тем, что римляне перед употреблением всегда процеживали вино.

8. Carpe diem — *л ви день этот*, лови момент, — сделалось крылатым словом.

Размер: 5-я Асклепиадова строфа.

Ревность [I,13].

2—3. *Телеф* — вымышленное имя.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

К Римскому государству [I,14].

В этой оде, так же как и в эподе 7, содержится страстный призыв к миру ради спасения отечества. В это время Гораций уже сблизился с Меценатом, но был еще далек от Октавиана.

1. Под *кораблем* здесь подразумевается Римское государство во время смут, предшествовавших битве при Акциуме.

11. *Сосна* из прибрежных лесов Понта, т. е. нынешнего Черного моря, считалась в то время лучшим кораблестроительным материалом.

17. *О недавний предмет помысла горького* — намек на то, что Гораций одно время скорбел о направлении политики своего отечества, далекой от гражданского мира.

20. *Циклады* — острова Греческого архипелага, морской путь между которыми в бурное время считался очень опасным.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Неизвестной [I,16].

5. *Диндимена* — Кибела, фригийская богиня, мать богов.

6. *Либер* — то же, что Вакх или Дионис.

7. *Корибанты* — экстатические жрецы богини Кибелы во Фригии. богослужение которых состояло в шумной музыке и воинской пляске.

9—17. *Духи Гнева* — олицетворение этого душевного состояния.

18. *Фиест*, по преданью, был из мести накормлен мясом своих, убитых братом Фиеста, детей.

Размер: Алкеева строфа.

Во власти Венеры [I,19].

Эта ода относится к более позднему периоду творчества поэта.

1. *Мать страстей беспощадная* — Венера, богиня любви.

2. *Резвая Вольность* — олицетворение юности.

5. *Гликера* — имя одной из красивейших гетер Горациева времени, которой он принес дань восхищения не в одном только этом стихотворении.

6. *Мрамор*, добываемый на острове *Паросе*, славился белизной.

10. Остров *Кипр* — по представлениям того времени, любимое местопребывание Венеры; там процветал ее культ.

11. С *парфянами* и *скифами* римляне воевали в эту эпоху в Малой Азии.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Меценату после его выздоровления [I,20].

Эта ода относится к 24-му году до н. э.

6. *Всадник* — Меценат принадлежал к сословию всадников.

8. *Холм Ватикана* — в северо-западной части Рима, на берегу Тибра; эта местность отличалась тем, что всякий шум порождал в ней сильное эхо, что̀ и увеличило овацию, выпавшую на долю Мецената.

9—11. *Цекуб*, *Калес*, *Фалерн*, *Формии* — местности в Италии (именно в Лациуме и Кампании), где во вре-

мена Горация выделывались лучшие, самые дорогие вина.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Гимн Диане и Аполлону [I,21].

2. *Кинфий*, или Цинтий — прозвище Аполлона по названию горы на острове Делосе, родине Аполлона.

3. *Латона* — супруга Зевса, мать Аполлона и Дианы.

6. *Альгид* — гора в Лациуме, посвященная Диане.

7. *Эриманф* и *Краг* — горы в Аркадии и в Ликии, — любимые места пребывания Дианы. Все они различаются между собой характером лесной растительности.

9. *Темпейский дол* — долина в Фессалии, между горами Оссой и Олимпом — одно из древнейших мест поклонения Аполлону.

11—12. *Лира* и *колчан* — неизменные аттрибуты Аполлона на его изображениях.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Аристию Фуску [I,22].

Аристий Фуск — поэт и грамматик, современник Горация.

8. *Гидасп* — сказочная река в Индии.

9. *Сабинский лес* — лесные заросли в горах близ Сабин, первоначального поместья Горация.

14. *Давнии леса...* — Давния — родина поэта, Апулия.

23. *Лалага* (она же Цинара в других пьесах Горация) — вымышленное имя одной из гетер того времени.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Робкая лань [I,23].

Образ первой строфы навеян Горацию одною из песен греческого поэта Анакреонта.

5—7. Эти стихи я читаю:

Nam seu mobilibus veris inhorruit
Adventus foliis seu virides rubum
Dimovere lacertae,

считая это чтение наиболее правдоподобным, и предлагаю следующее толкование стихов 5 и 6: «folia mobilia» (у Горация — abl. instrum.; ср. Inhorrescere nemoribus. Solin.) следует понимать как сухие листья,

коими сплошь устлана бывает раннею весною лесная почва.

Догадка Bentley: «mobilibus vepris inhorruit ad ventum foliis» с одной стороны лишает эти стихи ясного смысла, с другой — навязывает Горацию совершенно ему несвойственную тавтологию с предыдущим стихом (4. «Aurarum et silvae metu»). — Все переводчики названного стихотворения передавали отмеченные мною стихи, по моему мнению, неправильно, следуя неудачным комментариям.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

На смерть Квинтилия Вара [I,24].

Квинтилий Вар, поэт и критик. пользовался общим уважением; был другом Горация и в особенности Вергилия, знаменитого римского поэта, также друга Горация.

13. *Орфей*, мифический певец, своей игрой на лире очаровывал лес, заставляя деревья толпиться вокруг себя, чтобы слышать дивные звуки его песен.

16. *Меркурий*, согласно мифу, прикосновением своего жезла приобщал умерших к сонму теней и гнал их в подземное царство.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Лидии [I,25].

15. Этот стих подлинника, имеющий, по моему мнению, физиологический смысл согласно понятиям того времени (ср. 11 и 12, именно, sub interlunia) переведен сокращенно, с намерением сгладить натуралистическую его детальность.

17—18. Эти стихи переведены согласно толкованию Ф. Ф. Зелинского.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Квинту Элию Ламию [I,26].

Квинт Элий Ламий — один из лучших друзей Горация, тонкий ценитель поэзии.

В стихотворении отражены настроения поэта, пытающегося забыть о событиях римской внешней политики.

5. *Тиридат* — Парфянский царь, союзник Октавиана Августа.

12. *Плектр* — род смычка, которым ударяли по струнам кифары или лиры. Плектр назван *лесбийским* потому, что Гораций начал впервые в римской поэзии применять древне-греческие размеры (метры), зародившиеся на острове Лесбосе.

Размер: Алкеева строфа.

К Венере [I,30].

2. *Гликера* см. I, 19, 5.

3. *Книд* — город в Карии (в Малой Азии) и *Паф* (Paphos), город на восточном берегу Кипра (ст. 1), были местами процветания культа Венеры.

5. *Мальчик пылкий* — Купидон, сын Венеры.

7. *Геба* — богиня юности, называлась у римлян просто — Юность (Iuventas), как это делает в данном случае и Гораций; Геба без Венеры изображена скучающей, как юность без любви.

8. *Меркурий* входит в свиту Венеры на празднике у римской красавицы Гликеры в качестве отца красноречья.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

В храме Аполлона [I,31].

1—2. Стихотворение относится к 28 году до нашей эры, когда был закончен постройкой и открыт воздвигнутый Октавианом в Риме на горе Палатине новый храм Аполлону в память победы при Акциуме.

4. *Сардиния* славилась уже во времена Горация своим плодородием.

5. *Калабрия* — одна из южных провинций Италии; славилась стадами мелкого скота.

8. Река *Лирис* (ныне Garigliano) протекает у границы Лациума и Кампании.

9. *Гроздья калесские* — см. оду I, 20.

18. *Сын Латоны* — Аполлон — см. оду I, 21.

Размер: Алкеева строфа.

Лира [I,32].

В первой строфе этой оды поэт намекает, что первоначально он писал маловначащие стихотворения на греческом языке; это объясняется тем, что Гораций получил высшее литературное образование в Афинах.

5. *Гражданин лесбийский* — знаменитый древнегреческий лирик Алкей.

Алкей имел сильное влияние на творчество Горация в ранний период его деятельности.

11. *Лик* — имя юноши, красоту которого воспевал Алкей в своих произведениях.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Альбию Тибуллу [I,33].

Альбий Тибулл — известный римский поэт, современник и друг Горация, автор знаменитых элегий.

2, 5, 6. *Гликера*, *Ликорида*, *Фолоя* — гетеры того времени.

5. Небольшой женский лоб считался у римлян красивым.

14. *Миртала* — любовница Горация в его юности.

16. Морское побережье *Калабрии* (юго-восточной части Италии) отличается большой изрезанностью.

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

На прежний путь [I,34].

5. *Диéспитер* — Юпитер.

11. *Врата Тенара* — вход в подземное царство, находившийся, по верованию древних, у нынешнего мыса Матапан, на южной оконечности Мореи.

11—12. Гора (точнее: горы) *Атлант* (или Атлас) в Мавритании представлялась римлянам пределом мира.

Размер: Алкеева строфа.

Мальчику-прислужнику [I,38].

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Квинту Деллию [II,3].

Богач *Квинт Деллий* играл некоторую политическую роль в Риме, не отличаясь, однако, устойчивостью убеждений.

18. Река *Тибр*, на которой расположен Рим, отличается желтым оттенком.

21. *Йнах* — древнейший Аргосский царь, славившийся богатством.

24. Под именем *Орка* здесь разумеется бог подземного царства, Плутон.

28. *Изгнанья челнок* — управляемый Хароном челн, в котором, по преданию, души умерших перевозились через подземную реку Стикс.

Размер: Алкеева строфа.

Ксантию из Фокиды [II,4].

2. *Брисеида* — Гипподамия, дочь Брисея, пленница Ахилла, отнятая у него Агамемноном.

5. *Аянт* (или Аякс) — один из героев Троянской войны.

6. *Текмесса* — дочь Теврама, царя Мизии, любовница Аянта.

7. *Атрид* — Агамемнон, один из главных героев Троянской войны.

8. *Дева плененная* — Кассандра, доставшаяся военной добычей Агамемнону.

9. *Вождь фессалийцев славный* — Ахилл.

14. *Филлида* — прислужница приятеля Горация, Ксантия из Фокиды.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Придет пора [II, 5].

16. *Лалага* появляется также в оде «Аристию Фуску».

17. *Фолоя* фигурирует и в других одах (например, I, 33) Горация.

18. *Хлорида* — одна из красавиц, славившихся в кругу «золотой молодежи» Рима.

20. *Гиг* — вымышленное имя.

Размер: Алкеева строфа.

Мечта [II, 6].

Ода написана, когда Гораций не был еще, по милости Мецената, обладателем небольшого Сабинского поместья (Устика).

1. *Гады* (Gades) — город на ю.-з. берегу Испании, нынешний Кадикс.

2. *Кантабры* — племя, жившее в северной части Испании и покоренное Цезарем Августом.

4. *Маврские волны* — морские волны у берегов Мавритании, то есть Северной Африки.

5. *Тибур* — древний город Лациума (Тиволи), где любил проживать Гораций.

10. *Галез* — река близ Тарента в Южной Италии.

12. *Фалант* — основатель Тарента, колонист из Спарты.

14. *Гиметт* — гора в Аттике, славившаяся мрамором и пчеловодством в своих окрестностях.

16. *Венафр* — городок в Северной Кампании, славившийся оливками.

19. *Авлон* — гора в Калабрии, близ Тарента.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

На возвращение друга [II, 7].

Ода написана около 29 года до нашей эры, приблизительно через 13—14 лет после событий, которые в ней вспоминаются.

2. Марк Юний *Брут* стал во главе войск республиканской партии вместе со своим единомышленником Кассием. Войска эти потерпели осенью 42 года до н. э. полное поражение в бою (при Филиппах в Македонии) с войском Марка Антония. Брут в этом несчастном для него сражении покончил с собой, а Гораций, бывший в войске Брута начальником легиона, спасся бегством с поля битвы. Спасение свое он приписывает помощи Меркурия, бога торговли и красноречия, создавшего лиру и покровительствовавшего поэтам.

3. *Квирит* — полноправный гражданин римского государства.

4. Помпея Вара, друга молодости и боевого товарища Горация, не следует смешивать с другим приятелем поэта, богатым Помпеем Гросфом, а также и со знаменитым триумвиром Гнеем Помпеем, противником Юлия Цезаря.

19. *Под лавром. . .* Поэт имеет в виду свою уже в то время громкую славу, из чего явствует, что стихотворение написано никак не раньше, а может быть и позже 29 года до н. э.

21. *Массийское вино* — одно из лучших в Италии во времена Горация.

24. Наряду с миртом у римлян для венков употреблялся также дикий сельдерей, вероятно, благодаря его пахучести.

26. Избрание главы (председателя пирушки, иногда на одно только какое-нибудь определенное вино)

приписывалось Венере, для чего пирующие бросали жребий.

27. *Эдонийцы* или Эдонцы — племя, жившее во Фракии.

В 1835 году Пушкин дал вольный перепев этой оды:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?
Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно бросля щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.
А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился,
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалей
Ни вин моих, ни ароматов —
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

Размер: Алкеева строфа.

Вальгию Руфу [II, 9].

Вальгий Руф — грамматик, оратор и поэт, друг Горация.

7. *Гарган* — местность в Апулии.

9. *Мист* — юноша или мальчик, вероятно сын Вальгия.

12. *Веспер* — вечерняя звезда.

16. *Троил* — сын Приама, погибший в Троянскую войну.

18—19. Победы Августа в Малой Азии стеснили пределы скифских племен.

20. *Нифат* — северная часть Курдистанских гор, носящая у армян это название и ныне.

21. *Река в Мидии* (т. е. Персии) — Аракс или Евфрат.

Размер: Алкеева строфа.

З о л о т а я с е р е д и н а [II, 10].

Стихотворение это относится приблизительно к 23 году до нашей эры, когда Горацию было 42 года; обращено к Лицинию Мурене, шурину Мецената, в 23 году консулу, через год или два после того казненному на почве политической борьбы с Августом.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Б е с п о л е з н а я р о с к о ш ь [II, 15].

1—10. Замена будущего времени подлинника прошедшим и настоящим — некоторая вольность со стороны переводчика, допущенная им для усиления разницы между современной Горацию обстановкой и тем, что было раньше. Этот прием допущен и Фетом в переводе настоящей оды.

3. *Лукринские воды* — воды соленого Лукринского озера на берегу Кампании, в которых римляне разводили устриц; в прудах, о которых говорит Гораций, разводились улитки, служившие также лакомством.

4—5. *Вязы* у римлян, как и тополя, служили подспорьем для виноградной лозы; *платан* (наш чинар) считался для этой цели непригодным.

11. *Катон* древний (не Утический) славился своей до суровости умеренной жизнью.

Размер: Алкеева строфа.

П о м п е ю Г р о с ф у [II, 16].

Стихотворение обращено к Помпею Гросфу, богатому сицилийскому всаднику, одному из приятелей поэта.

5. *Фракия* — область на Балканском полуострове, бывшая ареной войн в век Горация.

6. *Мидийцы* — персы времен Горация.

8. *Геммы* — драгоценные камни и поделки из них.

14—15. Серебряная родовая солонка, из которой посыпали солью жертву богам, была необходимым признаком благоустроенного домового хозяйства у римлян.

22. *Турма* — отряд римской конницы из 30 человек.

30. *Тифон* — сын Троянского царя Лаомедонта, похищенный Авророй за красоту на небо. Испросив у Зевса своему любимцу бессмертие, Аврора забыла обеспечить ему вечную юность, вследствие чего он, съежившись от старости, стал настолько маленьким, что был превращен в кузнечика.

35—36. Дважды окрашенные пурпуром ткани особенно ценились римлянами.

39. *Камены* — музы.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

Мера в жизни [II, 18].

2. *Белая кость* — слоновая кость; ее высоко ценили в Риме.

4. *Гиметтский мрамор* — один из лучших, привозившийся в Рим из Аттики (в Греции).

5. *Аттал* — Пергамский царь; в 133 году он завещал все свои богатства Риму; стихи Горация, в которых упоминается Аттал, звучат иронией по адресу многих римлян, домогавшихся выморочных имуществ.

8. *Жены. . . клиентов*, то есть лиц покровительствуемых, дарили покровителям свои рукоделия.

14. *Сабины* — см. I, 22.

20. *В Байях* (Baiae), морском курорте в Кампании, богатые римляне строили роскошные виллы, вынося при них террасы далеко в море.

35—36. *Прометей* пытался подкупить Харона, чтобы не быть перевезенным в царство теней.

30, 36, 38. *Плутон*, *Орк* — одно и то же лицо, см. оду II, 3.

Эта ода — единственный образчик Гиппонактовой строфы у Горация.

Римскому юношеству [III, 2].

Это одна из четырех программных од III-й книги Горация; цель ее — борьба с постепенно падавшими нравами римлян под влиянием богатого и изнеженного Востока, неисчислимые сокровища которого стекались в столицу, обогащая высший класс.

Особенно известен первый стих 4-й строфы:

Dulce et decorum est pro patria mori.
(Красна и сла́дка смерть за отечество.)

3. *Парфяне* — воинственное племя, жившее на территории нынешней Персии, с которым воевали римляне в век Горация.

26—28. Речь идет об Элевзинских мистериях, разоблачение которых каралось государственной властью.

29. *Диеспитер* — Юпитер.

Размер: Алкеева строфа.

П р и м и р е н и е [III, 9].

8. *Римлянки Илии. . .* — подразумевается Рея Сильвия, мать Ромула и Рема.

22. *Древесной коры. . .* — подразумевается кора пробкового дуба, отличавшаяся особой легкостью.

— *Адрий* — бурное Адриатическое море.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

С е р е н а д а [III, 10].

1. *Лика*, замужняя женщина, была предметом недолгого увлечения Горация. К ней же относится полная раздражения ода поэта, передаваемая нами под заглавием «Лике» (IV, 13); написана она приблизительно 12 лет спустя.

12. *Этрурия* — местность в средней Италии, на западе граничившая с Тирренским морем.

18. *Змей Мавритании. . .* Мавритания — местность на северном берегу Африки (ныне Фец, Марокко и западный Алжир).

Размер: 2-я Асклепиадова строфа.

Ж а л о б а Н е о б у л ы [III, 12].

Эта ода навеяна поэту одной из песен Алкея, от которой до нас дошел только ничтожный фрагмент, именно начальные стихи.

4. *Легкокрылый сын Венеры* — Амур (Купидон), постоянный ее спутник.

5. *Корзинка* — подразумевается корзинка с шерстью для рукоделья.

6. *Гебр* — собственное имя.

8. *Беллерофонт* — сын Главка, царя Коринфского, по мифу убивший чудовище Химеру.

Размер: — восходящие (малые) Ионики.

Бандузийский ключ [III, 13].

Ключ или источник Бандузии находится на родине Горация, в Южной Италии, в 6 милях от Венузии.

3. *Козлик* — местное жертвоприношение.

10. *Дни Каникулы* — самое жаркое время лета, особенно тягостное на юге Италии.

15—16. Последние два стиха своей «влажной» аллитерацией подражают говору струй; перевод делает попытку передать это.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Посвящение Диане [III, 22].

Гораций посвящает Диане старую сосну у дома в подаренном ему Меценатом имении.

2—3. Диана, по верованию древних, облегчает первые роды.

4. *Ликом тройная* — согласно верованиям, Диана являлась луной на небесах, Дианой на земле и Гекатой в царстве теней. Кроме того в образе луны Диана имела три лика: новолуние, полнолуние и ущерб.

7—8. Защищающийся кабан наносит неожиданный удар клыком снизу и сбоку, причиняя нередко опасную рану. Кабан приносится в жертву Диане, как богине охоты.

Размер: 1-я Сапфическая строфа.

К Венере [III, 26].

Стихотворение позднего периода творчества Горация.

5. *Образ Венеры* — ее статуя в храме.

6—8. *Факелы, ломы, луки* — орудия для овладения крепостью в ночное время, — метафора.

9—10. Остров *Кипр* и город в Египте *Мемф* (или Мемфис), — места, знаменитые в древности почитаньем Венеры.

Размер: Алкеева строфа.

Памятник [III, 30].

Этим стихотворением Гораций закончил третью книгу своих од (Carmina).

Только несколько позже он, по желанию цезаря Августа и просьбе Мецената, написал еще одну, четвертую, книгу од.

«Памятник» Горация был переведен на русский язык многими поэтами, начиная с Ломоносова и кончая Валерием Брюсовым; кроме того он дал тему для известных стихотворений Державина и Пушкина, являющихся вольным перепевом «Памятника» Горация. Вот наиболее известные из русских переводов «Памятника» Горация и стихотворений, им навеянных.

Перевод Ломоносова

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.

Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом,

Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе;
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,

Чтоб внесть в Италию стихи Эольски,
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, Муза,
И увенчай главу Дельфийским лавром!

1747

Подражание Державина

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный;
Металлов тверже он и выше пирамид:
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! Весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от белых вод до черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;

Всяк помнить будет то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! Возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1796

Подражание Пушкина

Я памятник себе воздвиг нерукотворный:
К нему не зарастет народная тропа;
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет! Весь я не умру: душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый сын Славян, и Финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей Калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милосердие воспел.

Веленью божию, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836

Перевод Фета

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий царственных превыше пирамид;
Его ни едкий дождь, ни Аквилон полночный,
Ни ряд бесчисленных годов не истребит.

Нет, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избегну похорон, и славный мой венец
Все будет зеленеть, доколе в Капитолий
С безмолвной девою верховный ходит жрец.

И скажут, что рожден, где Ауфид говорливый
Стремительно бежит, где средь безводных стран
С престола Давн судил народ трудолюбивый,
Что из ничтожества был славой я избран

За то, что первый я на голос эолийский
Свел песнь Италии. О, Мельпомена, свей
Заслуге гордой в честь сама венец дельфийский
И лавром увенчай руно моих кудрей.

1854

Перевод размером подлинника Б. Никольского

Долговечней воздвиг меди я памятник
И громад пирамид царственных выспренней.
Едкий дождь, Аквилон ярый, бесчисленный
Ряд годов и полет вечного времени,

Всем не в мочь сокрушить, всем вам мой памятник.
Нет, не весь я умру: дань Либитине я
Частью только своей. Цвесть мне и в правнуках
Свежей славой, доколь в храм Капитолия

Будет жрец восходить с девой безмолвною.
Скажут: там, где ревет Ауфид неистовый,
Там, где, беден водой, Давн повелителем
Был из сельских племен крайнего племени, —

Первый там я в лады ввел ситалийские
Песнь Эолии. Льстись гордостью, гордостью

Муза, мздою заслуг, и благосклонно мне
Свей на кудри в венец лавры дельфийские.

1899

Перевод размером подлинника В. Брюсова

Вековечней воздвиг меди я памятник,
Выше он пирамид царских строения,
Ни снедающий дождь, как и бессильный ветр
Не разрушит его ввек, ни бесчисленных

Ряд идущих годов, или бег времени.
Нет, не весь я умру, бо̀льшая часть моя
Либитины уйдет; славой посмертною
Возрастать мне, пока по Капитолию

Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Буду назван, где мчит Авфид неистовый
И где бедный водой Давн был над сельскими
Племенами царем, из ничего могущ,

Первым я перевел песни Эолии
На ита́лийский лад. Гордость заслуженно
Утверди и мою голову дѐльфийским
Благосклонно венчай лавром, Мельпо̀мена.

1918

8—9. Верховный жрец Рима (pontifex maximus) ежегодно восходил на Капитолий молить Юпитера Капитолийского о благоденствии Римского государства; его сопровождала старшая из дев-весталок (virgo maxima).

11. *Ауфид* — река в Апулии (южной части Италии), родине Горация.

12. *Давн* — мифический повелитель Апулии, бедной влагою в летнее время.

13. *Эолийский напев* — форма лирических произведений эолийских древне-греческих поэтов (VII век до н. э.).

Размер: 1-я Асклепиадова строфа.

Мельпомене [IV, 3].

В этой оде, написанной после 34 года до н. э., Гораций говорит о себе, как о популярном уже поэте. Она

является, следовательно, дальнейшим развитием 1-й оды I книги, озаглавливаемой нами «Меценату».

3—4. *Истмии.* Истмийские состязания в Греции имели спортивный характер; победителей обычно увенчивали венком.

6—8. В капитолийский храм вводились после триумфа все победители.

10. *Тибур* — город в Лациуме; здесь разумеются и его окрестности, см. оду II, 6.

12. *Эолийские стихи* потому прославили Горация, что он был первым римским поэтом, культивировавшим в своих произведениях древне-эолийские греческие метры, см. оду III, 30.

Размер: 3-я Асклепиадова строфа.

Весною [IV, 7].

15. *Вечный приют* — подземное царство теней.

— *Эней* — сын Венеры и Анхиза, внука троянского царя Ила; он считался родоначальником римлян.

— *Тулл* Гостилий — третий римский царь.

— Анк *Марций* — четвертый римский царь.

21. *Минос* — сын Юпитера и Европы, ставший, согласно мифу, после смерти судьею в подземном царстве.

24. *Торкват* — один из знатных друзей Горация.

25. *Гипполит* — сын царя Фесея, согласно мифу, устоявший против соблазнов своей мачехи Федры.

27. *Фесей* (Тезей) — национальный афинский герой, совершивший ряд подвигов. Ему не удалось, однако, освободить своего друга *Пирифоя* (ст. 28), томившегося в цепях в подземном царстве за свой проступок против богов.

Единственное стихотворение, написанное Горацием 1-й Архилоховой строфой.

Лике [IV, 13].

Эта ода, одна из последних лирических пьес Горация, обращена к той самой Лике, которая вызвала, приблизительно 12 лет раньше, стихотворение Горация, переданное нами выше под заглавием «Серенада» (ода III, 10).

8. *Хия* — одна из красавиц времен Горация, искусно игравшая на цитре (кифаре).

13. Лучшие легкие ткани, бывшие в употреблении преимущественно у гетер времен Горация, выделывались на острове Косе в Греции.

Размер: 4-я Асклепиадова строфа.

Прелести деревенской жизни [Эпод 2].

Это характерный эпод, вложенный в уста римского ростовщика Альфия, представляет бытовую картину деревенской жизни мелкого землевладельца, каковым был, благодаря щедрости Мецената, сам Гораций.

21—22. *Приап*, *Сильван* — божества, покровители земельной собственности.

50. *Губан* и *камбала* — морские рыбы, особенно ценившиеся римскими гастрономами.

53—54. Изысканным кушаньем считалось и мясо птиц — *цесарки* и турача (или *франколина*), последний водится теперь в Закавказьи, Персии и Северной Индии и считается и в наши дни деликатесом.

58. *Просвирник* — мальва, которую римляне употребляли в пищу, считая это растение очень полезным для здоровья.

59—60. Сельские жители времен Горация, как и все древние римляне, редко ели мясо домашних животных.

66. *Вокруг божеств сияющих*. . . Подразумеваются изваяния домашних божеств — Ларов.

69—70. *Иды*, *Календы* — соответствуют нашим 15-му и 1-му числам месяца.

Стихотворение это замечательно в версификационном отношении. В нем Гораций несколько раз, так называемым «разрешением арсисов» (по другой терминологии «разрешением тесисов»), т. е. заменой одного долгого слога двумя краткими, достигает замечательных ритмических эффектов. Особенно интересен в этом отношении стих 35-й; в нем Гораций подражает вначале ритму бега (или, точнее, скока) испуганного зайца, а в конце того же стиха дает звуковой эффект протяжного клика журавля:

Pavidùmque lèporem et àdvenàm laqueò gruèm.

В стихах 25—28 Гораций, чтобы передать созвучия в природе, дает полные созвучия и в стихах, — именно две внутренние и две конечные совершенно пра-

вильные рифмы, понятие о которых было еще чуждо древним.

Вот эти стихи:

Labuntur altis interim ripis aquae
Quaeruntur in silvis *aves*
Frondesque lymphis obstrepunt manantibus,
Somnos quod invitet *leves*.

Эту особенность переводчик постарался передать.

Размер: ямбический триметр, чередующийся с ямбическим диметром.

К римлянам [Эпод 7].

Этот эпод относится к моменту нового разгара римских междоусобиц, именно к борьбе Октавиана с Секстом Помпеем (43—40 гг. до н. э.).

7—8. Рим в своих завоевательных стремлениях долго не мог сломить упорства британцев.

9. *Парфяне*, предки части нынешнего населения Персии, своими частыми набегами в пределы римских владений представляли серьезную угрозу целости римского государства.

18—20. В убийстве невинного Рема, одного из мифических братьев-основателей Рима, поэт видит как бы предначертание судьбы римского государства.

Размер тот же, что и во 2-м эподе.

Измена [Эпод 15].

Этот эпод — одно из первых лирических произведений Горация; он относится ко времени возвращения его в Рим после пребывания в Афинах и последовавшего затем участия, в качестве начальника легиона войск Марка Брута и Кассия, в трагической для них битве при Филиппах.

8. Восхождение и захождение созвездия *Ориона*, по наблюдениям древних, сопровождались бурями.

9. *Аполлон*, в представлении древних, носил длинные волосы.

21. *Пифагор*, по преданию, посвящал в свои математические тайны лишь немногих своих учеников.

22. *Нирей* — юноша, упоминаемый в «Илиаде» Гомера.

24. В заключительном ямбическом стихе Гораций прибег к интересному приему метрического перебоя добавлением лишнего слога в начале стиха. Мы сохраняем эту особенность в переводе.

Размер: 1-я пифиямбическая строфа.

К римскому народу [Эпод 16].

Этот эпод написан вскоре после трагедии при Филиппах, где находился сам поэт, и выражает его смятение под впечатлением катастрофы.

Любопытно, что, воспевая Канарские острова, как острова блаженных, Гораций говорит еще о «земле блаженных», как бы провидя Новый Свет, открытый позже Колумбом (см. ст. 41).

Следует также отметить точную характеристику природы и климата Канарских островов, о которых Гораций мог иметь только смутное представление, так как до нашей эры до этих островов доплывали лишь финикийцы (отрицание этого Горацием в стихе 61-м относится, очевидно, к той «земле блаженных», которую он провидел где-то в Океане за этими островами).

Относительная растянутость эпода, сравнительно с другими произведениями Горация, объясняется тем, что он является одним из самых ранних его произведений.

3. *Марсы* — племя в Лациуме, одна из составных частей пестрого в то время населения Италии.

4. *Порсена* — царь Этрурии, области средней Италии, который воевал с Римом.

5. *Капуанцы* — граждане города Капуи, соперничавшего с Римом.

6. *Аллоброги* — галльское племя, изменившее римской республике.

13. *Квирин*, он же Ромул, — один из двух мифических братьев-близнецов — основателей Рима.

17. *Фокейцы* — жители Фокиды, области средней Греции, покинувшие свою родину при нашествии персидского полководца Гарпага. «Пока не заплавают скалы» — так формулировали свою клятву фокейцы, когда покидали свою область (ст. 25).

28. *Пад*, ныне По, — большая река в Италии.

— *Матин* — гора в Апулии.

54. *Эвр* — юговосточный ветер.

56. *Царь небожителей* — Юпитер, или Зевс.

59—60. *Аргонавты* — греки, предпринявшие, по преданию, поход в Колхиду (западный Кавказ) за золотым руном. Под *Распутницей* здесь подразумевается Медея, дочь Ээта, царя Колхиды, согласно мифу, искусная волшебница, при помощи которой Ясон овладел золотым руном.

62. *Улисс*, он же Одиссей, герой «Одиссеи» Гомера, царь Итаки, знаменитый своими странствованиями.

64—65. *Золотой, бронзовый и железный века.* — На эти периоды Гораций делит римскую историю.

Размер: 2-я пифиямбическая строфа (русскими переводчиками до сих пор не воспроизводившаяся).

ЛИРИЧЕСКИЕ РАЗМЕРЫ ГОРАЦИЯ

Лирические стихотворения Горация написаны стихами «логаэдическими», т. е. такими, в которых стопа в три музыкальных единицы (моры) сочетается со стопами в четыре единицы, и стихами «асинартетическими», т. е. состоящими из двух различных метрических рядов.

В стихах логаэдических стопы, состоящие из четырех мор (типа дактиля: —◡◡, или по нотной схеме — ♩♪♪), должны были при сочетании со стопами в три моры (типа хорея: —◡, или ♩♪) произноситься ускоренно, соответствуя до известной степени музыкальной триоли.

В русском языке, где нет той разницы слогов по их длительности, какая была в языках греческом и латинском, эта особенность соединения стоп разного размера не может быть воспроизведена точно, так как все разнообразные оттенки музыкального античного стиха при силлабо-тоническом его претворении передаются лишь соблюдением определенного числа слогов в стихе и стиховыми ударениями. Поэтому, чтобы, хотя в неполной мере, передать своеобразие ходов логаэдических стихов, надо тщательно соблюдать естественные ударения русских слов и как можно строже выдерживать цесуры. Кроме того надо иметь в виду, что ударение на последнем слоге стиха часто неощутимо и превращается в полуударение ('). Например, в стихе первой Асклепиадовой строфы:

–́ – –́ ◡◡ –́ || –́ ◡◡ –́ ◡ ◡̲(′) *

Со́здан па́мятник мно́й. || О́н вековéчнее(′)

---

* В схемах размеров мы даем обозначения, принятые для латинских стихов, обозначая долгие (—) и короткие (◡) слоги. Для русских стихов можно несколько видоизменить эти схемы,

Строфы, применяемые Горацием в стихотворениях, входящих в настоящий сборник, следующие:

1. *Первая Асклепиадова строфа.* Состоит из четыре раза повторенного малого Асклепиадова стиха:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)

Сла́вный вну́к, Мецена́т, ‖ пра́отцев ца́рственны́х

Оды I, 1 и III, 30.

2. *Вторая Асклепиадова строфа.* Состоит из трех малых Асклепиадовых стихов и одного Гликонея:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)

Мо́жно ль ме́ру иль сты́д ‖ в чу́встве знать го́рестно́м
При́ утра́те тако́й? ‖ Ско́рбный напе́в в меня́
Ме́льпоме́на, вдохни́, ‖ ты́, кому да́л оте́ц
Зво́нкий го́лос с кифа́ро́ю.

Оды I, 24; I, 33; III, 10.

3. *Третья* Асклепиадова строфа.* Состоит из дважды чередующихся Гликонеев и малого Асклепиадова стиха:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡̲(́)

Ка́к похва́лишь ты, Ли́дия́,
Ро́зова́тый ли цве́т ‖ ше́и у Те́лефа́
Ру́ки ль бе́лые Те́лефа́, —
Же́лчью пе́чень мо́я ‖ пе́реполня́ется́

Оды I, 13; I, 19; III, 9; IV 3.

обозначая ударные слоги –́, а неударные: ◡. Тогда, например, малый Асклепиадов стих выразится в схеме так:

–́ ◡ –́ ◡ ◡ –́ ‖ –́ ◡ ◡ –́ ◡ ◡(́). Знак ‖ цесура.

* В некоторых изданиях называется ч е т в е р т о й.

4. *Четвертая Асклепиадова строфа.* Состоит из двух малых Асклепиадовых стихов, одного Ферекратея и одного Гликонея:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓(́)
–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓(́)
⏓(́) – –́ ◡ ◡ –́ ⏓
⏓(́) – –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓(́)

О́, неда́вний предме́т || по́мысла го́рького(́),
Про́будѝвший тепе́рь || чу́вства сыно́вние(́)!
Не(́) пуска́йся ты в мо́ре,
Что(́) шуми́т меж Цикла́дами(́)!

Оды I, 5; I, 14; I, 21; I, 23; III, 13; IV, 13.

5. *Пятая Асклепиадова строфа.* Состоит из четыре раза повторенного большого Асклепиадова стиха:

–́ – –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ || –́ ◡ ◡ –́ ◡ ⏓(́)

Ле́вконо́я, оста́вь: || зна́ть не дано́, || ра́но ли, по́здно ли(́)
Ода I, 11.

6. *Первая Сапфическая строфа.* Состоит из трех одиннадцатисложных сапфических стихов и одного Адония:

–́ ◡ –́ – –́ || ◡ ◡ –́ ◡ –́ ⏓
–́ ◡ –́ – –́ || ◡ ◡ –́ ◡ –́ ⏓
–́ ◡ –́ – –́ || ◡ ◡ –́ ◡ –́ ⏓
–́ ◡ ◡ –́ ⏓

Кто́ душо́ю чи́ст || и незло́бен в жи́зни,
Не́ нужны́ тому́ || ни копье́ злых ма́вров,
Ни́ упру́гий лу́к, || ни колча́н с запа́сом
Стре́л ядови́тых.

Оды I, 20; I, 22; I, 25; I, 30; I, 32; I, 38; II, 4; II, 6; II, 10; II, 16; III, 22.

7. *Вторая Сапфическая строфа.* Состоит из дважды

чередующихся малого и пятнадцатисложного Сапфических стихов:

–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

Ли́дия, ты́ скажи́ мне
Ра́ди всех богов, ‖ для чего ‖ ты́ Сибари́са гу́бишь
Стра́стью своей? Зачем он
Ста́л чужда́ться и́гр, ‖ не терпя́ ‖ пы́ли арены знойной?
Ода I, 8.

8. *Алкеева строфа.* Состоит из дважды повторенного Алкеева одиннадцатисложного стиха, одного Алкеева девятисложного и одного Алкеева десятисложного:

– –́ ⏑ –́ – ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑̲(´)
– –́ ⏑ –́ – ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑̲(´)
– –́ ⏑ –́ – –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

Смотри́: глубоким ‖ снегом засы́панны́й
Сора́кт беле́ет, ‖ и́ отягченны́е
Леса с трудом стоя́т, а реки
Скованы прочно морозом лю́тым.
Оды I, 9; I, 16; I, 26; I, 31; I, 34; II, 3; II, 5; II, 7; II, 9 II, 15; III, 26.

9. *Гиппонактова строфа.* Состоит из дважды чередующихся усеченного трохаического диметра и усеченного ямбического триметра:

–́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑̲(´)
⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ ‖ –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑̲(´)
⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ ‖ –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

У́ меня́ ни золото́м
Ни белой костью ‖ потолки́ не блещут;
Нет и́з дальней А́фрики́
Колонн, гиме́ттским ‖ мрамором венчанных.
Ода II, 18.

10. *Система из восходящих Иоников:*

∪∪–́–́∪∪–́–́∪∪–́–́∪∪–́–́
∪∪–́–́∪∪–́–́∪∪–́–́∪∪–́–́
∪∪–́–́∪∪–́–́

На русском языке передана трохеями:

Пожале́йте ту́, что хо́чет во́лю чу́вству да́ть живо́му
И тоску́ разве́ять хме́лем, но́ от стра́ха о́бмира́ет
Пе́ред тя́жестью́ укo̍ров.

Ода III, 12.

11. *Первая Архилохова строфа.* Состоит из два раза чередующихся дактилических гексаметра и усеченного триметра:

–́⏓–́⏓–́ || ⏓–́⏓–́∪∪–́∪
–́∪∪–́∪∪–́
–́⏓–́⏓–́ || ⏓–́⏓–́∪∪–́∪
–́∪∪–́∪∪–́

Сне́г после́дний соше́л, || зелене́ют луга́ мураво́ю
Ку́дрями кро́ется ле́с;
В но́вом наря́де земли́, || и ста́ло не те́сно уж ре́кам
Во́ды струи́ть в берега́х.

Ода IV, 7.

12. *Третья * Архилохова строфа.* Состоит из большого Архилохова стиха (дактилический тетраметр и трохаический триметр) и ямбического усеченного триметра, чередующихся два раза:

–́⏓–́⏓–́ || ⏓–́∪∪ || –́∪–́∪–́⏓
∪–́∪–́∪ || –́∪–́∪–́∪
–́⏓–́∪∪–́ || ⏓–́∪∪ || –́∪–́∪–́⏓
∪–́∪–́∪ || –́∪–́∪–́∪

Зла́я сдае́тся зима́, || сменя́яся || ве́шней ла́ской ве́тра;
Влеку́т на бло́ках || вы́сохшие дни́ща;
Хле́вы не ра́дуют ско́т, || а па́харю ста́л ого́нь не ну́жен,
Луга́ седо́й не || у́беля́ет и́ней.

Ода I, 4.

* Или *четвертая*.

13. *Ямбическая система.* Состоит из ямбического триметра, чередующегося с диметром:

∪ –́ ∪ –́ ∪ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ ∪̲(́)
∪ –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ ∪̲(́)

Поро́й и за́йца ‖ в пе́тлю ло́вит ло́вкого
И жу́равля́ зале́тного.

Эгоды 2 и 7.

14. *Первая Пифиямбическая система.* Состоит из дактилического гексаметра и ямбического диметра:

–́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ || ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪
∪ –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ ∪̲(́)

Но́чью то бы́ло: луна́ ‖ на я́сном не́бе сия́ла
Среди́ мерца́нья звёздного.

Эпод 15.

15. *Вторая Пифиямбическая система.* Состоит из дактилического гексаметра и ямбического триметра:

–́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ || ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪ ∪ –́ ∪
∪ –́ ∪ –́ ∪ || –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ ∪̲(́)

Вы́ же, в ком си́ла жива́ ‖ не слу́шая же́нских рыда́ний,
Лети́те ми́мо ‖ берего́в Этру́рии.

Эпод 16.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Оды, Книга первая

Оды, Книга вторая

Перед 1-й стр. помещена гравюра на дерeве Н. П. Дмитревского «Сельский праздник».

Редактор Д. Горбов.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Техническая редакция
Н. Н. Филиппов.
Литературно-техническое
наблюдение В. В. Чешихина
Наблюден. на производстве
Г. А. Батков.

★

Сдано в набор 8 XII 1935
Подпис. к печ. 13 IV 1936
Вышла в свет V 1936
Тираж 10300. Уполномоч.
Главлита № Б-12018. Инд.
А-1. Изд. № 182. Авт. л. 5,4
Бумага 72 × 109 в 1/32
(128 000 тип. знак. в 1 бум.
л.). Б. л. 3,125. Зак. № 155.

★

Отпечатано во 2-й типографии «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», Ленинград. Гатчинская, 26.

Цена Р. 3
Переплет Р. 2

Q. HORATIUS FLACCUS

ACADEMIA